

В тени цезарей

Генри Фрэнсис Колби

UNDER CÆSARS' SHADOW

HENRY FRANCIS COLBY, D.D.

The Project Gutenberg eBook of Under Cæsars' Shadow.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Under Cæsars' Shadow

Автор: Генри Фрэнсис Колби

Дата выхода: 29 декабря 2014 [eBook #47806]

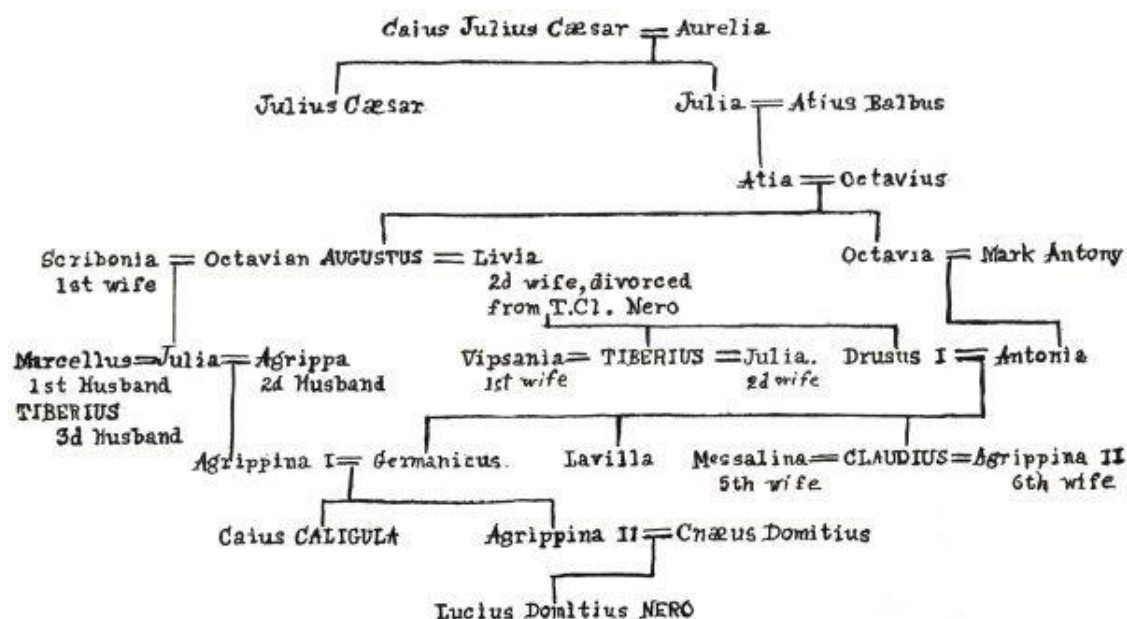
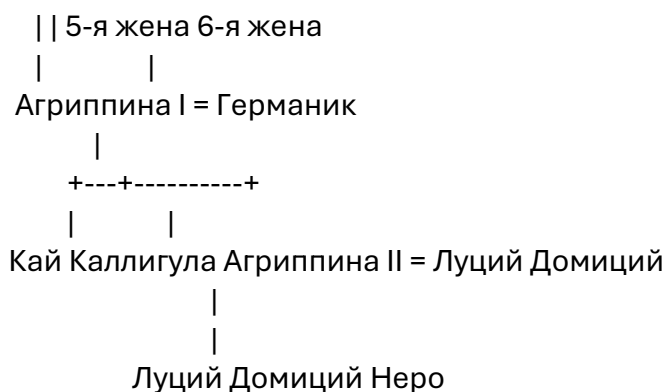
Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Шоном Пиндером, Чарли Ховардом и командой Online Distributed Proofreading Team на сайте <http://www.pgdp.net> (Этот файл подготовлен на основе изображений, щедро предоставленных файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK UNDER CÆSARS' SHADOW ***

```
      Кай Юлий Цезарь = Аврелия
          |
      +-----+-----+
      |               |
    Юлий Цезарь  Юлия = Атий Бальбус
          |
        Атия = Октавий
          |
      +-----+-----+
      |               |
Скрибония = Октавиан АВГУСТУС = Ливия Октавия = Марк Антоний
1-я жена | 2-я жена, разведенная |
  | от Т.Сл. Нерона |
  | | +-----+
  | | +-----+-----+ |
  | |               |   |
  | | Випсания = Тиберий = Юлия Друз I = Антония
  | | +-----+ 1-я жена 2-я жена |
  | |               |
Марцелл = Юлия = Агриппа |
  1-й муж | 2-й муж |
ТИБЕРИЙ | | |
  3-й муж | +-----+-----+-----+
          | | |               |
      +-----+ | Лавилла Мессалина = КЛАУДИУС = Агриппина II
```


СЕМЬЯ ЮЛИЕВ

Родственные связи пяти императоров

Август, сын племянницы Юлия Цезаря, был первым императором. Его сменил пасынок Тиберий, Тиберий - внук своего брата Калигулы, Калигула - его дядя Клавдий, а Клавдий - внук своего брата, который также был его собственным пасынком, - Нерон.

В ТЕНИ ЦЕЗАРЕЙ

АВГУСТ КАК ИМПЕРАТОР

Фронτισпис

В ТЕНИ ЦЕЗАРЕЙ

ГЕНРИ ФРЭНСИС КОЛБИ, ДОКТОР МЕДИЦИНЫ.

Иллюстрированный

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМПАНИЯ "НИЛ"
440 ЧЕТВЕРТАЯ АВЕНЮ, НЬЮ-ЙОРК
МСМХVIII

Copyright, 1918, by
Издательская компания "Нил"

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТРАНИЦА
Предисловие	9
ГЛАВА	
I Цезарь Август	11
II Тиберий: Цезарь служения Христа	49
III Калигула, безумец	71
IV Клавдий, твердый	83
V Нерон, жестокий	102
Послесловие	135

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Семья Джулиан	Лицевая сторона Полутитул
Август как император	Фронтиспис Лицевая страница
Юлий Цезарь	11
Марк Антоний	16
Цицерон	24
Алтарь мира	37
Криптопортик	39
Тиберий	49
Друз	54
Калигула	71

Клавдий	83
Клавдиев акведук	90
Нерон	102
Агриппина II и Нерон	112
Поппея	115
Сенека	121
Мост Номентана	129

ПРЕДИСЛОВИЕ

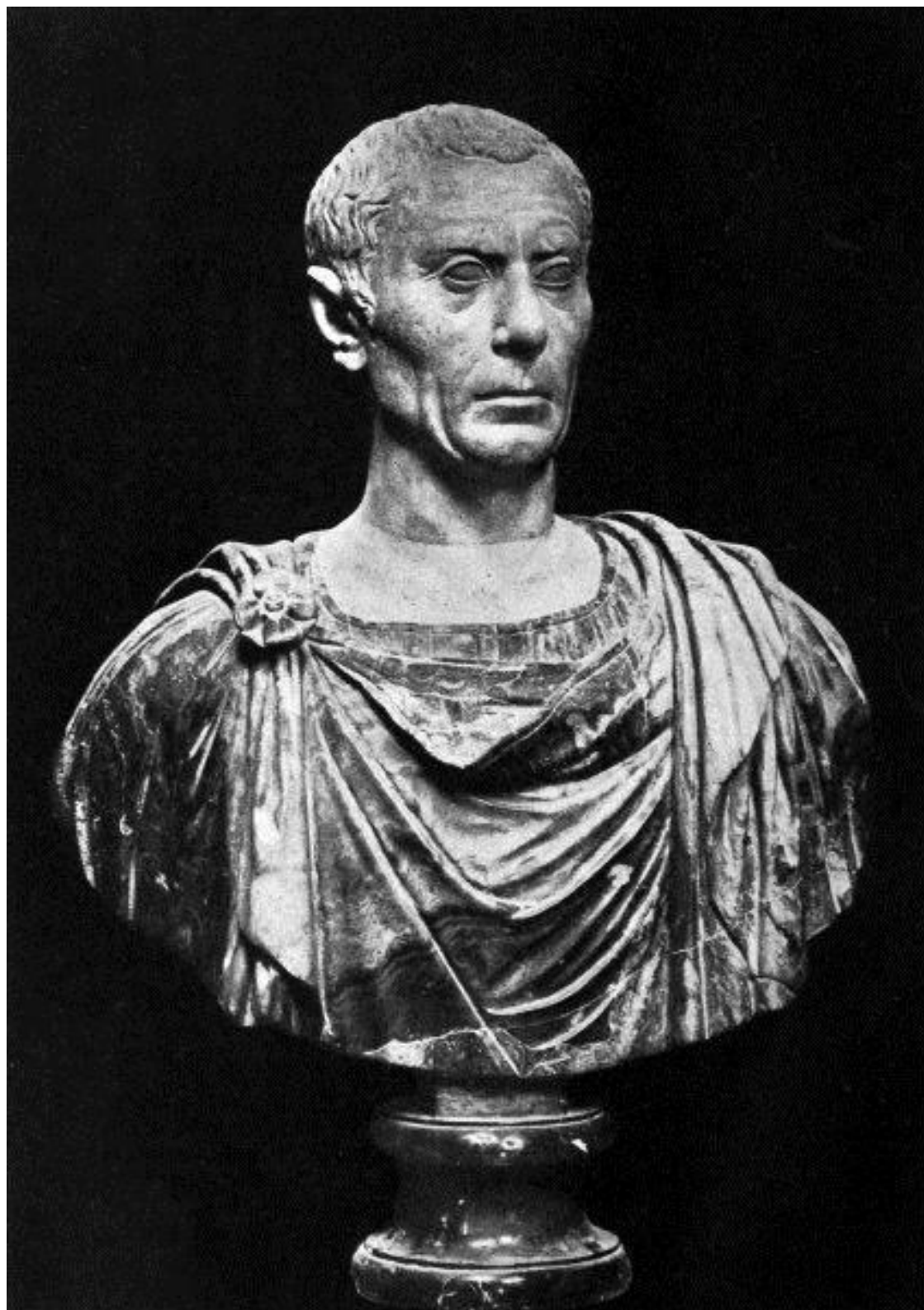
Как правитель, так и народ! Короли и императоры - яркие образцы характера своего времени. Они являются центрами, вокруг которых вращаются преобладающие вкусы и страсти людей. Они также влияют на умы своих подданных и управляют ими. Если мы хотим узнать дух какого-либо исторического периода, нам достаточно обратить свой взор на людей, стоящих у власти в то время.

Если мы хотим узнать, что это был за мир, в который пришел Иисус Христос; насколько невозможно было, чтобы Он был его естественным и чисто человеческим продуктом; на каком мрачном фоне эгоизма и тирании, безнравственности и порока сияли Его небесная чистота и самоотверженная любовь; С каким циничным материализмом и неверной философией, с какой грубой черствостью и горькой злобой Ему пришлось столкнуться, с какими препятствиями и гонениями пришлось бороться Его делу в лице Его первых последователей, мы не можем сделать лучше, чем изучить жизнь римских императоров первого века. Именно поэтому мы приводим здесь некоторые очерки о карьере Августа, Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нерона и спрашиваем, какие реликвии еще можно найти об их временах и их деятельности. Созерцание материальных объектов, к которым они прикасались, планировали или строили, - каких-то инеистых руин или осыпающихся фрагментов храма, дворца, акведука или усыпальницы - кажется, сближает нас с ними и делает более реальными эти великие драматические фигуры, которые в противном случае были бы лишь тусклыми тенями прошлого.

* * * * *

Иллюстрации в этом томе сделаны с фотографий Андерсона, непревзойденного фотографа, так хорошо известного в Риме.

Н. Ф. С.

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

В ТЕНИ ЦЕЗАРЕЙ

ГЛАВА I ЦЕЗАРЬ АВГУСТ

Во второй главе Евангелия от Луки мы читаем, что "в те дни вышел указ царя Августа о том, что весь мир должен быть обложен налогом". В общепринятой версии Нового Завета говорится: "облагать налогом". Но пересмотренная версия, более точно следуя греческому оригиналу, говорит: "зачислены". Это было то, что мы сегодня называем регистрацией, сделанной для того, чтобы никто не смог избежать последующего налогообложения.

Священное повествование продолжает. "Все пошли записываться, каждый в свой город". Доктор Джеймс Сталкер замечает:

"Это не кажется очень захватывающим фактом, с которого можно начать рождественскую историю; он кажется даже прозаичным. Но когда вышел указ сурового императора, сердце одной молодой женщины затрепетало от ужаса. Это было сердце Марии из Назарета, призванной Богом стать матерью Господа нашего Иисуса Христа. Это означало для нее долгий тяжелый путь в восемьдесят миль, в зимнее время, через горы и по самым грубым тропам; это означало, что она должна терпеть боль и лишения, когда она была хрупка телом и тревожна душой, и все потому, что не могла избежать поездки в Вифлеем, чтобы быть зачисленной. Ведь и она, и ее муж Иосиф были прямыми потомками самого любимого царя Израиля Давида и должны были подчиниться закону, предписывающему людям возвращаться в город, откуда их семья родом, и там записываться и облагаться налогом. Поэтому ей ничего не оставалось, как отправиться в трудный путь, этой милой и нежной деве с ее венцом высшей чести от Бога и ее бременем человеческих тревог и боли".

Мы можем представить себе одну из тем разговора между ней и Иосифом в пути. Их бедность и безвестность скрывали от посторонних глаз факт их прямой родословной от Давида. Но все иудеи были склонны с большой осторожностью хранить все, что касалось их генеалогии, и особенно это касалось тех, чья уверенность в давидовом происхождении давала им основание надеяться, что Мессия явится по их собственной линии. Можно полагать, что Иосиф взял с собой копию официальных семейных записей, которые сохранили для нас Матфей и Лука, и что он радовал себя и Марию на протяжении всего трудного пути мыслью о том, что теперь их особо почетное происхождение должно быть в какой-то мере публично признано. У самого Сезара Августа не было такого хорошего патента на дворянство, как у них. И хотя мрачная тень этого монарха должна была упасть, благодаря указу о зачислении, на самое начало жизни святого Младенца, впоследствии им предстояло осознать, что Божье провидение вело их и заставило человеческое правительство стать невольным агентом для исполнения пророчества о том, что Мессия должен родиться в Вифлееме.

Кто же был этот Сезар Август, который, как предполагается, обладал такой огромной властью во всем мире, что по его приказу должна была быть произведена регистрация в каждой его части? Он был не кто иной, как первый единоличный хозяин объединенной Римской империи, одна из самых выдающихся фигур в истории человечества.

Его восшествие на престол стало кульминацией целого ряда поразительных и трагических событий. Юлий Цезарь, этот человек, столь замечательный и по военному гению, и по политической проницательности, и по литературному мастерству, которому римский сенат

сначала дал внушительный титул *императора*, и , который, проживи он дольше, возможно, стал бы всем, что этот титул впоследствии стал означать, - был убит группой заговорщиков в Риме в 44 году до начала христианской эры. Эти убийцы утверждали, что оказывают большую услугу государству, избавляя его от планов столь амбициозного человека; но никто не может отрицать, что ревность была одним из мотивов, побудивших их совершить кровавое деяние, которое произошло в здании на Campus Martius, где в тот год заседал сенат, примыкавший к театру Помпея, и нам говорят, что именно у ног статуи великого Помпея упал Цезарь. Марк Антоний, который был его коллегой в консульстве и в управлении армией, после смерти Цезаря драматично произнес похоронную речь с *трибуны* на Форуме, а затем попытался сделать себя преемником удивительной власти и популярности Цезаря.

Но как раз в это время появился новый и сильный конкурент на военное и политическое лидерство в лице молодого человека в возрасте всего девятнадцати лет, о котором и пойдет речь в этом очерке.

В то время этого молодого человека звали Кай Октавий. Он был сыном римского аристократа с таким же именем и его жены Атии, которая приходилась племянницей Юлию Цезарю. Они жили в скромном доме на Палатинском холме. Кай Октавий был приемным сыном Юлия Цезаря и получил образование под его руководством. Более того, Цезарь назначил его своим наследником.

Поэтому Кай Октавий предложил стать преемником и мстителем великого диктатора. Он взял себе более длинное имя - Кай Юлий Цезарь Октавиан - и искусно заручился, прежде всего, обещанием значительной части армии поддерживать и повиноваться ему. Он нашел большого помощника в своих амбициях в лице самого выдающегося государственного деятеля того времени Марка Випсания Агриппы. Марк Туллий Цицерон также приветствовал Октавиана в Риме, тем более что в этом молодом претенденте он видел соперника Марка Антония, которого Цицерон люто ненавидел. И действительно, знаменитый оратор произносил захватывающие речи против Марка Антония, что сильно подорвало влияние этого полководца.

Вскоре началась гражданская война. На одной стороне был Октавиан, как мы теперь можем его называть, на другой - Марк Антоний. В двух сражениях последний потерпел поражение. Ему едва удалось спасти свою жизнь; таким образом, Октавиан достиг верховной власти, навязал свою волю правительству и добился провозглашения его консулом 22 сентября, за сорок три года до Рождества Христова.

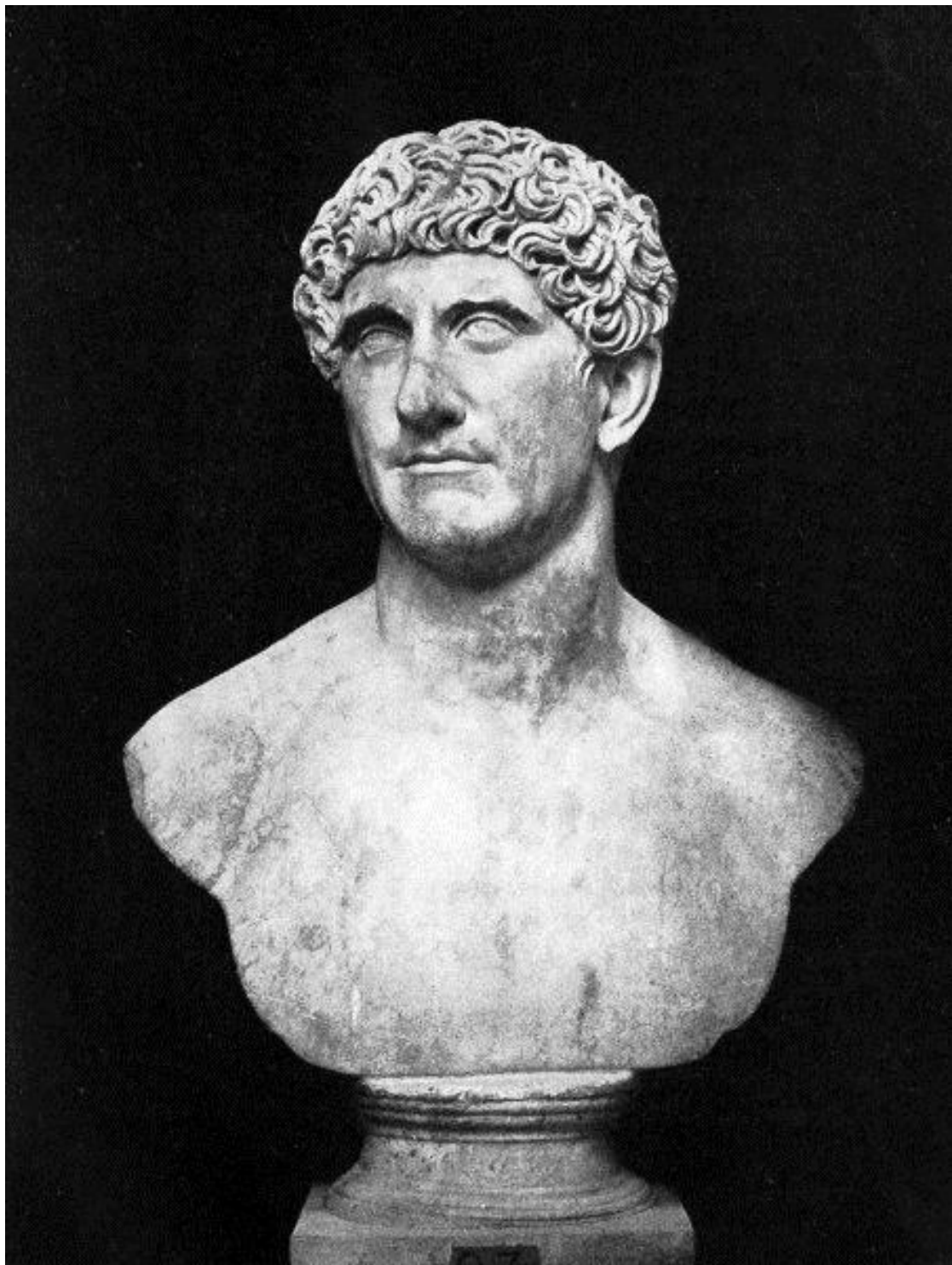
Достигнув успеха, Октавиан начал планировать, как добиться унижения Брута и Кассия, участвовавших в убийстве Юлия Цезаря и называвших себя вместе со своими товарищами "освободителями", так как они выступали против концентрации власти в руках одного человека. Чтобы избавиться от их назойливости, Октавиану требовалась любая помощь. Поэтому он пошел на удивительный шаг, свидетельствующий о полном отсутствии у него (в то время) моральных принципов. Он изменил свое отношение к Марку Антонию, примирился с его дружбой и фактически сумел заключить соглашение с ним и с другим амбициозным конкурентом по имени Лепид, который также был видным военным офицером.

Эти трое встретились на три дня на небольшом острове в реке Ренус и договорились о создании "триумvirата", как они его называли, для восстановления содружества. Этот триумvirат, который должен был просуществовать пять лет, был самым бесцеремонным заговором - оскорблением достоинства римского сената, нарушением многих прежних обещаний и союзов и тиранией над правами частных граждан. Триста сенаторов и две

тысячи рыцарей были произвольно отстранены от власти тремя узурпаторами власти. Имена этих жертв были разграблены, а многих из них преследовали до смерти.

Каждый из триумvirата при этом жертвовал кем-то из своих друзей, чтобы угодить остальным. Так, сам Октавиан оскорбил все чувства чести и справедливости, позволив предать смерти Марка Туллия Цицерона, чье влияние и поддержка сделали для него очень много. Это была уступка Марку Антонию, точнее, жене Марка Антония Фульвии, которая, как говорят, затаила горькую обиду на Цицерона и теперь с триумфом и драматизмом втыкала иглу в некогда красноречивый язык убитого, когда его окровавленная голова была выставлена на всеобщее обозрение на Форуме. Это было ужасное удовлетворение жестокой злобы!

Вскоре объединенные силы Октавиана и Антония встретились с силами Брута и Кассия в знаменитой битве при Филиппах в Македонии, городе, расположенном далеко от Рима, но ставшем еще более памятным благодаря заключению в тюрьму и освобождению христианских миссионеров Павла и Силы. В результате унижительного поражения в той битве Брут и Кассий покончили жизнь самоубийством. Это было в ноябре, за сорок два года до Рождества Христова.

МАРК АНТОНИЙ

Октавиан вернулся в Италию, чтобы получить великие почести в Риме, а Марк Антоний остался показным правителем Востока. Но последний вскоре увлекся пресловутой Клеопатрой, царицей Египта.

Эта женщина сыграла большую роль в деле. Она приехала к Марку Антонию в Тарс в Киликии, чтобы вернуть его от гнева, который он проявил из-за того, что она не прислала помощь ему и Октавиану в их войне против Брута и Кассия. Она предстала перед ним в самом сенсационном виде. Летом 41 года до н. э. она плыла по реке Циднус в Малой Азии, на которой находился город Тарс, столица Киликии. Она возлежала на золоченой кушетке под

величественным балдахин, на палубе своей галеры, которую приводили в движение серебряные весла и пурпурные паруса. Она олицетворяла богиню Венеру, сопровождаемую грациями и веерами амуров. Трубы и лютни исполняли восхитительную музыку, а воздух благоухал сладкими ароматами. Апостол Павел, будучи юношей в Тарсе, несомненно, слышал об этом странном происшествии, случившемся в его родном городе за два поколения до его времени. Марк Антоний позорно стал полным рабом Клеопатры и, поддавшись ее коварным соблазнам, совершил под ее капризную диктовку множество жестоких поступков, связанных с угнетением и жестокостью.

Затем последовал период разногласий и кровавых конфликтов между Октавианом и Марком Антонием. Он был связан с присвоением частных земель в Италии для вознаграждения солдат Октавиана. Главным событием этой короткой гражданской войны стала осада и взятие сильного холмистого города Перузия (современная Перуджа), где старые римские ворота до сих пор носят название Арка Августа. Помнится, во время своего визита в Перуджу я вышел из этих ворот и посмотрел на массивные камни, которые хмуро взирали на современного нарушителя. В тот период истории, о котором мы говорим, Марк Антоний был еще на Востоке, но его брат, Луций Антоний, возглавив армию от его имени, занял этот знаменитый старый город на холме. Октавиан расположился вокруг него лагерем и в конце концов покорил его осадой и голодом. От разграбления его солдаты спаслись только после того, как город был подожжен одним из его собственных граждан, хотя многие из них были убиты неумолимым победителем.

Чтобы компенсировать ущерб, нанесенный его перспективам этим поражением брата, и осуществить замыслы, которые он строил со своими союзниками в Италии, Марк Антоний пересек Средиземное море с Востока, вторгся в Италию и рассчитывал сразиться с Октавианом. Но эти планы были сорваны, так как его солдаты и солдаты Октавиана, сражавшиеся вместе при Филиппах, не были полны энтузиазма вступать в бой друг с другом. Последовали переговоры. Новый договор был заключен в Брундизиуме на побережье Адриатического моря. Между двумя лидерами был намечен новый раздел мира, и договор должен был быть подтвержден знаменательным браком, который тогда состоялся. Это был брак между Марком Антонием, чья жена Фульвия умерла, и Октавией, сестрой Октавиана. Это событие было отпраздновано с большой помпой и радостью. По этому случаю возлагались надежды на наступление эры великого мира и процветания. Считается, что поэт Вергилий воспел этот Брундизийский договор в своей знаменитой Четвертой эклоге. В светлых выражениях, напоминающих метафоры, если не дух ветхозаветных мессианских предсказаний, он говорит о рождении предопределенного мальчика, который должен открыть царствование мира и благословения на земле. То, какого именно мальчика он имел в виду, стало предметом долгих дискуссий. Некоторые христиане Средневековья в своем рвении утверждали, что он имел в виду Иисуса Христа; а поскольку он ссылается на Сибилу Кумскую как на предсказательницу счастливого периода, ее имя в более позднюю эпоху было любопытно соединено в старом латинском гимне "Dies Iræ" с именем псалмопевца Давида как дающее пророческое свидетельство:

Teste David cum Sibylla.¹

¹ Как говорят Давид и Сибилла.

И Рафаэль, и Микеланджело изобразили ее как пророчицу на своих христианских фресках, которые теперь можно увидеть в Риме. Во времена Вергилия в Риме было так много евреев, что он, возможно, читал пророчество Исайи и уловил что-то из его образов; но

маловероятно, что в своих строках он выражает нечто большее, чем общую надежду оптимистичного язычника на славного принца и светлый день.

После торжеств по случаю свадьбы с Октавией Антоний вернулся в свои восточные владения с большими проектами и многочисленными обещаниями. Но прошло совсем немного времени, и его распутные вкусы снова проявились. Даже мысли о благородном характере его новой жены Октавии не могли его сдержать. Он переходил от одного большого безрассудства к другому. Хотя однажды он вернулся в Южную Италию и возобновил с Октавианом в Тарентуме условия "триумvirата" еще на пять лет, все было напрасно. Хитрая Клеопатра вновь утвердила свое влияние на него. Наконец, по ее наущению, он поставил себя во главе восточного флота и армии и приготовился встретить войска Октавиана. Решающая битва между ними произошла на море у Актиума, к северо-западу от Греции, 2 сентября 41 года до н. э. Антоний был полностью разбит. Антоний был полностью разгромлен. Ему удалось спастись на галере Клеопатры, которая как нельзя кстати появилась на сцене для его спасения. Почти сразу же в египетском городе Александрия и он, и его печально известная очаровательница трагически погибли в результате самоубийства.

Так Октавиан стал единоличным хозяином практически всего мира. Его армия добилась больших успехов в борьбе с парфянами на Дальнем Востоке. Ирод Великий, идумеянин, в это время утвердился в своей власти как царь Иудеи.

Иерусалим был взят римским полководцем Помпеем в 63 году до н. э., и Иудея стала частью римской провинции Сирия. Однако римский контроль над ней был прерывистым до этого времени, когда Ирод вошел в нее и триумфально воцарился. К его владениям добавилось еще несколько важных городов. Но он обладал этой властью только как подданный Рима. Его власть поддерживала армия Октавиана, и он должен был подчиняться всем приказам и распоряжениям этого императора. Его управление делами этой страны было энергичным и великолепным, хотя и отличалось отвратительной жестокостью. В этой связи интересно вспомнить, как в ранние ветхозаветные времена Исава продал свое право первородства Иакову, который отныне вытеснил его. С тех пор между детьми Исава и детьми Иакова часто возникала вражда. И вот на какое-то время этот принц из Эдома, потомок Исава, сел на трон Иудеи и стал править потомством Иакова, хотя, как мы видели, его затмил и контролировал Октавиан - более могущественный правитель, чем он сам.

Именно когда Ирод был царем в Иерусалиме, пользуясь благосклонностью Октавиана и боясь навлечь на себя его недовольство, в Вифлееме родился Иисус Христос.

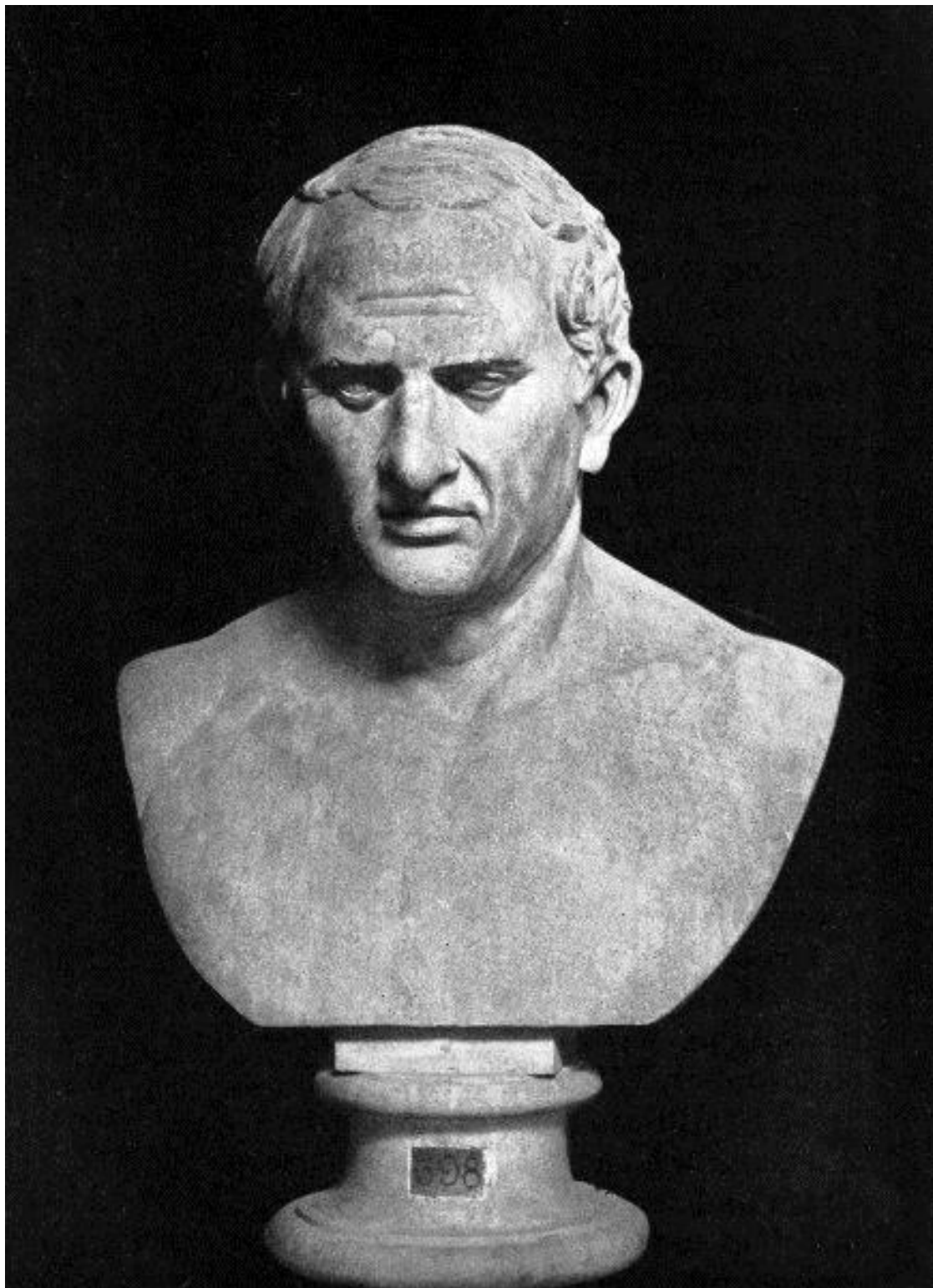
Мессия, которого предсказывали пророки и которого жаждали иудеи, явился самым скромным образом. Князь мира пришел как маленький ребенок в мир ужасного эгоизма, жестокости и конфликтов. Ирод, должно быть, умер вскоре после этого события. Считается, что страдания, вызванные его последней болезнью, усилили его беспокойство и жестокость и, возможно, были одной из причин, побудивших его отдать приказ об умерщвлении, как описано у Матфея, нескольких младенцев мужского пола в деревне Вифлеем, но их число было недостаточно велико, чтобы иудейский историк Иосиф записал этот инцидент наряду с другими и более масштабными беззакониями Ирода. Хотя этот правитель отторгал от себя привязанность иудеев, он все же исповедовал иудаизм в религии и со скрупулезной тщательностью восстановил храм в Иерусалиме, который продолжал стоять во время служения Иисуса и апостолов. После смерти Ирода император Октавиан произвел между его сыновьями распределение провинций Палестины. Именно из-за страха перед одним из этих сыновей, Архелаем, правившим в Иудее, Иосиф и Мария, возвращаясь с Младенцем из

Египта, не пошли в Вифлеем, а свернули в сторону и отправились в Назарет в Галилее. Секст, сын Помпея, который командовал пиратским флотом на Средиземном море, перехватывая корабли, направлявшиеся из Александрии в Италию, был побежден войсками Октавиана и убит. Предполагаемый сын Юлия Цезаря и Клеопатры, Цезарион по имени, также был предан смерти.

Октавиан стал пожизненным *императором* и цензором империи. Это не означает, что все формы республики были сразу же уничтожены, но правительство управлялось в духе абсолютной монархии.

Октавиан сохранил фамилию Сезар, которая также была принята его преемниками в качестве официального обозначения, даже если они принадлежали к другим родословным; так же как и современные титулы "кайзер" в Германии и "царь" в России, которые, действительно, являются производными от римского имени.

Октавиан был человеком с большими амбициями и преодолевал жестокость и вероломство других, часто используя их собственные методы. Он был сдержан в речи и поведении, а также несколько прост в образе жизни. Ему были присущи хладнокровие и самообладание. Он был проницателен, политичен и дальновиден, приспособляя средства к своим целям. Он собирал в свои руки все нити власти почти до того, как люди понимали, что он это делает. Нам говорят, что под его непосредственным управлением находились "распоряжение доходами, передвижение армии, исполнение законов, проведение внутренних реформ и урегулирование внешних отношений". Сначала сенаторы, затем плебеи уступили ему многие из своих давно желанных прав. Под его управлением прославленная республика превратилась в империю, а он стал настоящим императором. Его владения простирались от Атлантики до Аравии и от островов Британии до песков Африки.

ЦИЦЕРО

Пока Рим завоевывал мир, он терял свои свободы дома. На самом деле от свободы не осталось ничего, кроме ее названия. Но следует признать, что, как ни был Октавиан напряжен и суров в стремлении к власти, он проявил мудрую умеренность в ее осуществлении. Он примирил народ с потерей свободы, обеспечив ему большее материальное благополучие и множество интересных развлечений. Он потратил огромные суммы на общественные дороги и великолепные здания, канализацию, водохранилища, мосты, набережные, парки, сады и государственные учреждения в большом изобилии. Многие его соратники последовали его примеру и возвели дорогостоящие здания,

украшенные колоннами и статуями из мрамора и бронзы. Он хвастался, что нашел Рим, построенный из кирпича, и оставит его из мрамора. Он покровительствовал искусствам и наукам. Он собрал вокруг себя людей блестящих талантов - государственных деятелей, ораторов, философов, историков, художников, скульпторов и поэтов. Випсаний Агриппа, его премьер-министр, Мекен, Цицерон, Ливий, Вергилий, Гораций и Овидий, а также многие другие светила, отличали его правление и украшали его двор. Чем век Перикла был для Греции, а век Елизаветы - для Англии, тем правление этого человека было для Римской империи. В религии он был не более чем стоическим философом, но признавал ценность религиозной веры в народе и поэтому с радостью поощрял его в поддержании языческих алтарей и храмов, многие из которых он построил. Говорят, что в 28 году до н. э. в самом Риме было отстроено не менее восьмидесяти двух храмов. Он возвел и восстановил храм Аполлона на Палатине, а рядом с ним основал великолепную библиотеку. Сенат постановил, что он должен носить уникальный в то время титул Августа - АВГУСТ ОДИН. Этот титул пытались сохранить преемники Октавиана, но на страницах истории он стал его особым и превосходным обозначением, так что сейчас мы часто забываем, что на самом деле это было лишь прилагательное, а не его собственное имя. Восьмой месяц в году был назван Августом в его честь, так же как седьмой месяц был назван июлем в честь Юлия Цезаря.

Август, как мы его теперь называем, был тем самым Цесарем, в честь которого был назван город Кесария, построенный Иродом Великим на морском побережье Палестины, чтобы быть политической столицей этой страны, и который книга Деяний заставила нас позже ассоциировать с сотником Корнилием, в доме которого проповедовал апостол Петр. Это был родной город евангелиста Филиппа и его четырех дочерей (Деяния хxi:8, 9) и место великих речей Павла перед римскими правителями, Феликсом и его женой Друзиллой, Фестом, царем Агриппой II и его сестрой Бернис (Деяния хxiv:24; хxv:13.) Ирод, в качестве еще одного акта угодливой лести, также построил мраморный храм Августу в Панаеасе, у одного из источников Иордана, у основания горы Ермон, в месте, которое его сын Ирод Филипп II, тетрарх, впоследствии перестроил и назвал - от императора и от себя самого - Сезария Филиппы, куда Иисус Христос однажды пришел во время своего служения, самый северный пункт, который он когда-либо посещал, и провел одну из самых значительных бесед со своими учениками.

Моя память с удовольствием вспоминает тот день, когда небольшая группа туристов в Палестине (одним из которых мне посчастливилось быть) после утомительного дня пути поставила свои белые палатки среди запустения и развалин и смотрела на родниковые воды, бьющие, свежие и холодные, из почитаемой пещеры под холмом. Вокруг этой пещеры в природной скале вырублены архитектурные ниши для статуй, но статуи давно исчезли. Ее первоначальное название Панаеас, происходящее от имени деревенского бога Пана, теперь превратилось в Банаеас. Массивный замок крестоносцев смотрит вниз с большой высоты, но в долине лишь обломки амбициозных построек человека составляют жалкий контраст с красотами природы. Именно в этих краях, возможно, у одного из подножий горы Ермон, произошло Преображение.

Если мы обратимся к семейной жизни императора Августа, то узнаем, что после одного или двух обручений в ранней юности, которые не были продолжены, он женился на высокопоставленной даме по имени Скрибония, от которой у него был один ребенок, дочь, названная Юлией. Впоследствии, когда он стал известен как Октавиан и был одним из триумвиров, он то ли отчаянно влюбился в чужую жену, то ли его подтолкнуло к союзу с аристократическими семьями Рима его сильное честолюбие того времени. Во всяком случае, он развелся со Скрибонией и взял в жены Ливию Друзиллу, которая была женой

видного гражданина Тиберия Клавдия Нерона. От него у Ливии был один сын, который впоследствии стал императором Тиберием. Вскоре она стала матерью еще одного, знаменитого полководца Друза. Тиберий Клавдий Нерон настолько не противился ее разводу с ним, чтобы выйти замуж за Августа, что, как говорят, дал ей приданое и присутствовал на свадьбе. Некоторые историки, правда, считают, что это соответствовало его собственным планам. Он был стар и немощен. Его жене было всего девятнадцать, и он, возможно, был рад обеспечить ее брак, возможно, с молодым и восходящим триумвиром, и таким образом примирить его с лучшим отношением к аристократической партии.

Как бы то ни было, это иллюстрирует свободные взгляды римлян на брак в те времена. Это поставило Ливию в странное и сложное положение. Ее собственный отец был одним из тех аристократов, которых триумвиры проскрибировали и преследовали. Он сражался с Брутом и Кассием и погиб от собственной руки после того, как вместе с ними потерпел поражение от армии Августа в битве при Филиппах. За два года до этого брака Ливия бежала из Италии вместе со своим мужем Тиберием Клавдием Нероном, чтобы спастись от мести Октавиана. Теперь она покидает первого, чтобы стать женой второго. Ей пришлось отвернуться на от собственного сына Тиберия, и через три месяца, когда в доме Августа родился ее ребенок Друз, этот второй сын был отправлен в дом своего отца, Тиберия Клавдия Нерона.

Спокойная и практичная, Ливия, похоже, смирилась с уготованной ей судьбой и стойко перенесла все связанные с ней жертвы. Однако через несколько лет, когда Тиберий Клавдий Нерон умер, он назначил Октавиана, ставшего к тому времени императором Августом, опекуном своих сыновей, и Ливия приняла их обратно и заботилась о них с материнской заботой. Похоже, она действительно завоевала восхищение, если не любовь Августа. Он гордился ее способностями, верностью, хозяйственностью, мудрыми советами в государственных делах. Они жили просто в своем доме на Палатине. Он был лишен роскошных витрин и драгоценных предметов искусства. Мебель была выставлена во втором веке нашей эры и вызвала удивление своей простотой. Она лично следила за обработкой шерсти, распределением ее среди рабов и ткачеством для семейного использования. Август никогда не носил тоги, изготовленные другим способом. Их несколько вилл в Ланувии, Палестрине и Тиволи были непритязательны. Иногда они приглашали на ужин именитых людей, но только в экстраординарных случаях подавали шесть блюд, обычно же их было всего три.

На одном из публичных мероприятий Август произнес длинную речь, в которой привел Ливию в качестве образца для дам Рима. Он подробно изложил детали ее ведения хозяйства: что она делала, как одевалась, за какой счет, как развлекалась и какие развлечения считала подходящими для особы своего положения. Римляне считали ее идеальным типом аристократической леди. Она была величественна, красива лицом и задумчива душой. Два ее сына - Тиберий и Друз, пасынки Августа, - также пользовались большой популярностью. Несмотря на возмутительную несправедливость вынужденного развода с прежним мужем, многочисленные досады со стороны падчерицы Юлии и соблазны царского двора, она сохранила сильный и самообладающий характер и, прожив в браке пятьдесят лет, до последнего хранила привязанность своего мужа. Говорят, что, лежа на смертном одре, он сказал ей в конце концов:

"Сохрани память о муже, который очень нежно любил тебя".

Когда Диона Кассия спросили, как ей удастся сохранять его привязанность, он многозначительно ответил:

"Мой секрет очень прост: Я сделала делом своей жизни угождение ему и никогда не проявляла нескромного любопытства в отношении его общественных или личных дел".

Во всей жизни императорского двора, не только в правление Августа, но и, как мы увидим, в правление ее сына Тиберия, умелое и тактичное управление этой властной дамы было важным фактором.

Но, несмотря на свою привязанность к Ливии, несмотря на все свое богатство, власть и лесть подданных, Август был далеко не счастлив. Смерть многих уважаемых и любимых им людей, таких как Друз, Каий и Луций Сезар, постигла его. Он часто становился жертвой дебилизма, печали и уныния. Его дочь, Юлия, опозорила его своим безнравственным поведением. Между ней и Ливией всегда была несовместимость. Вскоре умерли его внуки. Он не испытывал особого восторга при мысли о том, что его пасынок Тиберий станет его преемником, и брак Юлии с Тиберием не улучшил ситуацию. А ревность и интриги его двора доставляли ему постоянные неприятности.

В последние дни жизни он составил щедрое завещание, раздав тем самым подарки многим из тех, кто ему служил, в том числе огромные пожертвования солдатам, в государственную казну и населению. Он также составил список достижений, которые принесло империи его правление и за которые он был удостоен общественных почестей. Этот памятник он собирался отлить из бронзы для дверей большого мавзолея, который он построил в Риме для своего погребения. Однако мы обязаны его сохранением галатам, которые, живя в провинции в самом сердце Малой Азии, еще при жизни Августа возвели храм в его честь в своем городе Анцира, современной Ангоре. Они раздобыли копию памятника и начертали ее на стенах притвора этого храма; и там, хотя она сильно попорчена и разбита, ее можно прочесть даже в наши дни - прекрасную запись деяний великого монарха.

Август был склонен использовать огромные богатства, которые были в его распоряжении, на благо народа. Иногда он безвозмездно раздавал кукурузу, вино и масло, иногда - денежные пособия. Он утверждал, что потратил на подарки сумму, эквивалентную двадцати шести миллионам долларов (американских денег). К этому следует добавить множество других пожертвований; таким образом, было подсчитано, что его расходы на благо народа составили девяносто один миллион долларов. Ланчани сказал:

"Если бы мы не располагали официальной статистикой и государственными документами, мы вряд ли были бы склонны верить этим грандиозным заявлениям".

Август умер в Ноле в Кампании, Италия, 19 августа 14 года н. э., когда ему было почти семьдесят шесть лет. Перед смертью он долго беседовал со своим пасынком Тиберием. В день смерти, когда в его комнату вошли друзья, он сказал им:

"Считаете ли вы, что я хорошо сыграл свою роль на сцене жизни? Если вы довольны, поаплодируйте мне!".

Вскоре после этого он скончался на руках своей жены Ливии.

"Его тело, - говорят, - перевозили из деревни в деревню, из города в город, по Аппиевой дороге члены каждого муниципального совета по очереди. Чтобы избежать жары, процессия шла только ночью. У подножия Альбанских холмов все римское рыцарство вышло встречать носильщиков. Далее, на протяжении последних десяти миль пути, шествие напоминало триумфальное, пока тело не было помещено в вестибюль дворца на Палатинском холме.

После этого тело вынесли на Форум, на площадку перед храмом Юлия Сезара, где с трибуны Тиберий прочитал панегирик. На противоположном конце Форума еще одну речь произнес Друз, приемный сын Тиберия. Затем сенаторы, первосвященники, рыцари, армия и большая часть горожан продолжили шествие по Виа Фламиния к Устриному, или загону для кремации. Офицеры и солдаты бросали на костер награды, которыми Август наградил их за храбрость, а факел подносили капитаны легионов, которые он часто приводил к победе".

Через пять дней после этого Ливия и главные люди ордена конников собрали его прах и отнесли в Мавзолей.

При жизни Августа его почитали как бога в провинциях; теперь ему поклонялись в самом Риме. Поклонение ему воздавалось во многих частных домах. У него также был культ, святилища и жречество. Ливия стала особой жрицей нового божества.

До нас дошло, в замечательной сохранности, множество статуй, медальонов, бюстов и монет, которые сохранили для нас его лицо, его форму и его осанку. В Зале бюстов Ватиканского музея хранится прекрасная голова, найденная в Остии, в устье Тибра, в 1808 году.² Она вызывает всеобщее восхищение, и о ней всегда говорят как о "молодом Августе". Она изображает будущего императора с выдающимся носом, интеллектуальным лбом, волнистыми волосами, округлым подбородком и выражением лица, одновременно задумчивым и приветливым. О чем он думал, когда скульптор уловил его выражение? Предчувствовал ли он предстоящие ему успехи и обязанности? Наши знания о его дальнейшей карьере освещают нам мраморные черты лица. В них есть привлекательная идеальность, которую мы вряд ли можем ассоциировать с тем, кто впоследствии стал таким суровым воином; и в этот момент мы испытываем к нему нежную симпатию и возвышенные надежды.

2 См. фронтиспис.

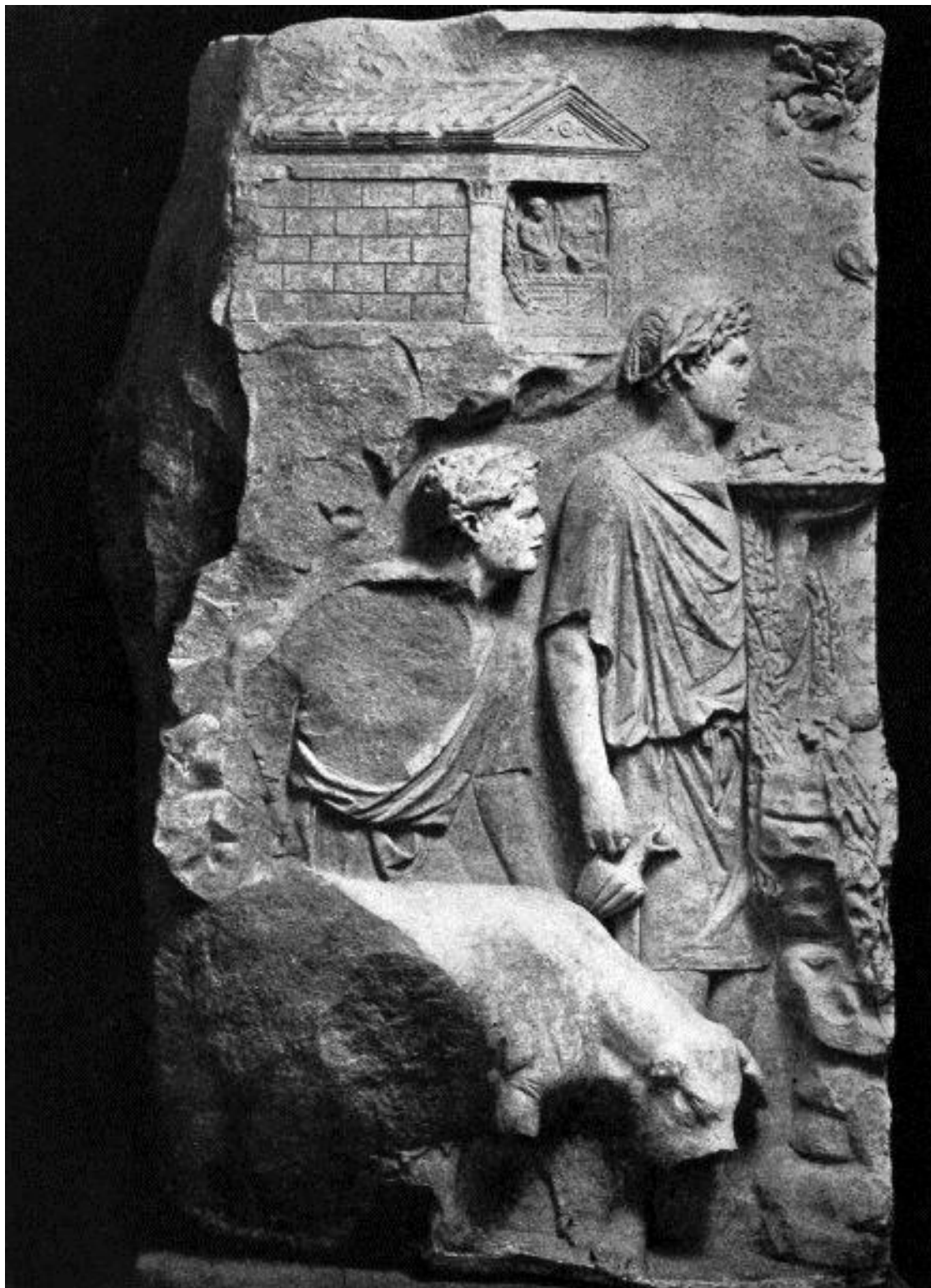
Не останавливаясь на описании других его фигур, интересно сравнить эту с той великолепной мраморной статуей в полный рост, также находящейся в Ватикане, которая была обнаружена только в 1863 году. Она была найдена зарытой в руинах виллы его жены Ливии в семи милях от Рима. Этот портрет также имеет все признаки портрета с натуры. Как впечатляет то, что он был скрыт в земле на протяжении столетий, в течение которых многие царства поднимались и падали; а теперь он появился на свет, почти как воскресение, и мы можем стоять лицом к лицу с ним! Он предстает перед нами во всем своем величии, на позднем этапе своей карьеры, когда он стал великим властелином мира. Он стоит в спокойной и властной позе, опираясь на правую ногу, в своем военном нагруднике, с драпировкой, аккуратно уложенной вокруг бедер и перекинутой через левую руку. В левой руке у него скипетр, а правая вытянута, как будто он намеренно обращается к своей армии. Лицо носит отпечаток большого опыта и глубокой серьезности, если не сказать тревоги. Кажется, что его угнетает тяжесть империи. На его нагруднике или кирасе, который, по-видимому, скопирован с металлического оригинала, который он носил, видны греческие узоры, которые по красоте и тонкости деталей сравнивают с камнями. Центральная группа этих рельефных фигур изображает римского полководца, принимающего военные штандарты от побежденного врага. Очень вероятно, что это памятник победы, одержанной римской армией над парфянами около 17 года до н. э., когда Август поручил своему пасынку Тиберию продолжить кампанию и затем официально получить от Фраатеса, царя парфян, тех бронзовых орлов, которых парфяне отобрали у римского полководца Красса и его солдат более тридцати лет назад. С тех пор это поражение вызывало у римлян горькие воспоминания, и возвращение штандартов стало поводом для соответствующего ликования.

Их отправили в Рим, где Август установил их в храме Марса Ультора. Кажется вероятным, что эта статуя была вырезана вскоре после этого времени, около 17 года до н. э. По обеим сторонам изображения, склонившись в печали, сидят две символические фигуры, вероятные гении двух покоренных народов. Возле шеи кирасы изображен бог Селус, выходящий из облаков, держащий в руках шарф, раздуваемый ветром и развевающийся над его головой, а перед ним Аполлон, едущий на своей колеснице, напоминает фигуры знаменитой фрески Гвидо "Аврора" на потолке казино Роспильози в Риме.³ Ни одна фигура не может лучше олицетворять сознательную серьезность вселенского господства, чем эта величественная статуя Августа. Когда она была впервые обнаружена, некоторые ее части носили следы раскраски. Маленький херувим, сидящий верхом на дельфине, прислонен к правой ноге, поддерживая работу и, напротив, подчеркивая ее достоинство.

³ Поначалу кажется, что Гвидо должен был почерпнуть идею для своей группы из этих фигур на кирасе Августа. Но как он мог? При жизни Гвидо эта статуя была неизвестна и лежала зарытой в землю.

Я уже говорил о великих зданиях, возведенных во времена Августа. Несмотря на то, что средневековые римляне превратили древние руины своего города в карьер для добычи строительного материала, из которого возводили свои дворцы, некоторые свидетельства благородных построек этого императора все еще существуют. Регия, или Королевский дом (от которого сейчас сохранились лишь некоторые следы), на Форуме, был резиденцией правителей раннего Римского царства, а затем лидеров Республики; но поскольку Август родился на Палатине, а исторический холм представлял собой более просторное и величественное место, народ, сделав Августа императором за двадцать восемь лет до Рождества Христова, возвел для него великолепный дворец. Фундаменты этого здания, которые, вероятно, еще не полностью раскопаны, все еще можно увидеть.

На Палатинском холме также можно осмотреть прекрасные мозаичные мостовые и расписанные фресками стены некоторых покоев дома Ливии, его жены. Это единственное здание такого рода среди разрушенных дворцов императоров. Ливия получила его от своего первого мужа, отца Тиберия, и удалилась в него после смерти своего второго мужа, Августа. На мраморный пол, выложенный узорами, спускается лестница из шести ступеней. Отсюда можно попасть в три покоя. Росписи на оштукатуренных стенах столовой и гостиной очень художественны по замыслу и колориту. Они относятся к числу самых древних из существующих. На них изображены мифологические сцены и персонажи - Меркурий, Полифем и Галатея, с фруктами, цветами, масками и жертвенными приношениями. Некоторые из оттенков до сих пор яркие и навевают мысли о домашнем тепле. Триклиний или столовая узнаваемы по надписи.

АЛТАРЬ МИРА

Недалеко от Тибра находятся пять колонн и другие части портика Октавии, который был возведен Августом и посвящен его сестре Октавии. Во времена республики портики или открытые здания с колоннами для общественных мест были почти редкостью, но Август ввел моду и вкус к ним. Говорят, что менее чем за двадцать лет Кампус Мартиус (на месте которого сейчас находится современный Рим) был полон ими. Они привнесли много нового в архитектурное великолепие города. Портик Октавии, как говорят, состоял из трехсот колонн и окружал двор с храмами Юпитера и Юноны.

Массивная архитектура того, что осталось от театра Марцелла в том же районе, напоминает нам о сыне Октавии, в память о котором Август посвятил его. Двенадцать арок внешней круговой стены сейчас используются как кузнечные и другие мастерские. Нижний этаж частично утоплен в земле. Его колонны сильно покорежены. Арки и капители также сильно повреждены. В одиннадцатом веке она использовалась как крепость. Затем на кургане мусора внутри него был построен дворец. Историк Нибур, будучи русским послом, занимал его как свой дом.

Храм Марса Ультора (Мстителя) - еще одна из построек Августа. Перед битвой при Филиппах, которая стала важным поворотным пунктом в его карьере, он дал обет, что в случае победы построит храм Марсу-мстителю, потому что убийство его приемного отца Юлия Цезаря будет отомщено такой победой над Брутом и Кассием по этому случаю. С выполнением этого обета он соединил строительство нового Форума, или общественной биржи, для Рима.

В последующие века эти благородные сооружения иногда низводились до весьма заурядного использования. Например, портик Октавия на протяжении многих поколений и до недавнего времени использовался в качестве рыбного рынка. Все упомянутые здания были большими и дорогостоящими сооружениями. Как Август хранил в храме Марса Ультора спасенные штандарты Красса, так и победоносные генералы на протяжении нескольких поколений хранили свои знаки отличия в том же месте. Одной из его особенностей была галерея статуй военных героев, чьи победы увеличили территорию и славу империи. Дорогостоящее покрытие Форума сейчас находится на двадцать футов ниже уровня земли. Нужно приложить немало усилий, чтобы по старым, испачканным фрагментам восстановить древнюю сцену. Тем не менее, это может сделать тот, кто изучает все окрестности; а будущие раскопки откроют гораздо больше. Для народа, среди которого армия и война были так важны, Храм Марса был центром величайшего интереса. Его красота описывается как высочайшая. В своем завещании Август сообщает, что римских граждан, сражавшихся по его приказу, было пятьсот тысяч. На момент его смерти сто шестьдесят тысяч римских граждан все еще служили под его флагом. Число военных кораблей, захваченных, сожженных или потопленных, составляет шестьсот.

КРИПТОПОРТИК

Но Август читил мир не меньше, чем войну. Он трижды проводил перепись населения Рима, которая показала увеличение жителей с четырех миллионов шестидесяти трех тысяч до почти пяти миллионов. В надписях, уже упоминавшихся в развалинах храма Ангора в Малой Азии, он рассказывает, что в 13 году до н. э. сенат приказал построить в Кампус Мартиус алтарь божеству *Pax Augusta* (Августов мир), на котором магистраты, жрецы и девственницы могли ежегодно приносить жертвы. В последующие века этот алтарь засыпали мусором, а над мусором со временем образовалось кладбище, принадлежащее прилегающей церкви Сан-Лоренцо-ин-Лучина. Но это кладбище, как утверждают, находилось на десять футов ниже современного уровня города. Во второй половине XIII века над ним и над алтарем Мира под ним кардинал Эвешем построил дворец, который с тех пор переходил из рук в руки. В начале шестнадцатого века из этого места были извлечены пять резных панелей удивительной красоты. Были найдены и другие фрагменты, но их перевезли в разные места - даже в Париж, Вену, и Англию. Только в начале нынешнего века было доказано, что они принадлежат знаменитому августовскому Алтарю Мира. С тех пор были проведены раскопки на первоначальном месте, на шестнадцать футов ниже уровня улицы.

Были построены сводчатые проходы, так что можно пройти вдоль двух сторон фундамента алтаря; в конце одного из этих проходов, практически засыпанных землей и мусором, сегодня можно увидеть красивейшую резную панель с изображением жертвенной процессии. Алтарь стоял на платформе высотой три с четвертью фута и размером девятнадцать с половиной на одиннадцать с половиной футов. С четырех сторон к нему вели ступени. Все это располагалось посреди священной территории размером тридцать восемь футов на тридцать пять футов, окруженной мраморными стенами, искусно высеченными в рельефе с обеих сторон. Среди изображений - процессия, движущаяся к месту жертвоприношения. Фигуры отличаются большим достоинством, а их драпировки расположены так, чтобы создать изящный эффект. Сам Август и многие из

высокопоставленных лиц во время его правления сгруппированы, как бы беседуя. Очевидно, что все сооружение представляет собой высокохудожественную композицию, достойный памятник тому, чьей гордостью было то, что он обеспечил единство и мир во всей своей империи и заставил ворота Януса, бога войны, быть закрытыми на долгое время. Профессор Джеймс К. Эгберт из Колумбийского университета в своем описании этого алтаря в "Записях о прошлом" за 1906 год, которым я обязан, так описывает две панели, которые сейчас находятся в галерее Уфици во Флоренции:

На одной из них изображены две семейные группы, обе отмеченные присутствием мужа и жены. Высокий молодой человек слева - это Друз, умерший в 9 г. до н. э. и очень оплакиваемый императором и народом. Он одет в военный плащ, так как оставил свое командование в Ретии, чтобы присутствовать на посвящении алтаря. Его жена, прекрасная Антония, стоит непосредственно перед ним, и их беседа прерывается предостерегающим жестом фигуры между ними, призывающей к молчанию, чтобы не нарушить святость события. Ребенок у их ног - это либо Германик, либо более поздний император Клавдий. Группа справа - это Тиберий и его жена Юлия, на которой он, к своему отвращению, был вынужден жениться после смерти ее бывшего мужа Випсания Агриппы. Жена может быть сестрой Антонии из первой группы. Тогда мужем будет Луций Домиций Агенобарб, дед Нерона. Випсаний Агриппа сыграл очень важную роль в установлении мирного царствования, и мы должны были ожидать, что он окажется среди членов императорской группы. Центральная фигура на другой панели была признана Агриппой из-за различия, предложенного спокойным выражением лица. Некоторые видят здесь печаль выражения, естественную для того, кто много страдал. Его предваряет юноша, который несет на плече официальный топор, поскольку Агриппа предстает здесь как первосвященник. Мальчик, держащий его тогу, - это Луций Цезарь, его сын, а прекрасная женщина слева от него может быть Юлией, его женой, или Випсанией Агриппиной, его дочерью.

К этому описанию можно добавить, что такие изящные и очаровательные скульптуры с портретами выдающихся личностей не могли быть представлены римской публике, не вызвав большого восхищения.

К эпохе Августа относится и основание, по крайней мере, Пантеона. Его премьер-министр и зять Марк Випсаний Агриппа за двадцать семь лет до Рождества Христова воздвиг храм у северного конца теплых бань, которые он установил здесь, в Campus Martius. Он был посвящен нескольким богам. Его часто ремонтировали и, вероятно, изменяли и расширяли в результате реставраций. Императоры Адриан, Септимий Северус и Каракалла внесли свой вклад в его сохранение и развитие. В древности к портику вели пять ступеней, которые теперь засыпаны из-за поднятия грунта. С 609 года н. э. он был освящен как христианская церковь. Несмотря на это, в 663 году н. э. Констанс II, император Константинополя, увез в свой город позолоченную бронзовую черепицу крыши.

На протяжении всего средневековья этот храм ценился как палладиум и эмблема Рима. Основная часть здания имеет круглую форму, высота и диаметр которой, как говорят, равны, каждый из них составляет сто сорок два фута, и состоит из бетона, который древние римляне умели делать таким прочным. Он освещается через незакрытое отверстие диаметром тридцать футов в центре купола, окаймленное элегантно античным карнизом из бронзы. Богатые колонны из различных сортов мрамора и другие украшения интерьера выглядят

очень внушительно и хорошо сочетаются с величественным коринфским портиком, который образует переднюю часть здания и под которым когда-то стояли колоссальные бронзовые статуи Августа и Агриппы.

Пять передних ступеней, по которым в древности входили в здание, теперь засыпаны в результате поднятия грунта вокруг здания. Вход по-прежнему закрывают древние массивные бронзовые двери. В 1632 году папа Урбан VIII, один из семейства Барберини, снял бронзовые колонны и потолок портика, чтобы сделать из них сложные столбы, поддерживающие балдахин главного алтаря в соборе Святого Петра, а также пушки для замка Святого Анджело. Это послужило поводом для распространения популярной эпиграммы Пасквина. "Что не сделали варвары, то сделали Барберини".

Пантеон - самое благородное и хорошо сохранившееся здание Древнего Рима, единственное, у которого уцелели стены и своды, и оно до сих пор закрыто старинными тяжелыми бронзовыми дверями. Строки лорда Байрона о нем стоит привести из-за лаконичности его описания.

Простой, возвышенный, суровый, строгий, возвышенный,
Святыня всех святых и храм всех богов
От Юпитера до Иисуса, пощаженный и благословленный временем,
Спокойно взирая, пока падает или кивает
Арки, империи, все вокруг тебя, а человек пробирается
Свой путь сквозь тернии к пеплу! Славный купол,
неужели ты не устоишь? Коса времени и жезлы тиранов
Дрожат над тобой, святилище и дом
Искусства и благочестия, Пантеон, гордость Рима!

Неудивительно, что он был признан самым подходящим местом для погребения великого художника Рафаэля и короля объединенной Италии Виктора Эммануила.

О первом событии рассказывает поэт Роджерс:

Когда Рафаэль ушел,
Его небесный лик был зеркалом его ума,
Его разум - храм для всех прекрасных вещей.
Чтобы стекаться и обитать - когда он шел,
Завернувшись в свой соболиный плащ, в плащ, который он носил,
спать под почтенным куполом,
В присутствии тех, кто при жизни любил,
Поклонялся, идя по его стопам к славе,
Это было в апрельский день, когда природа улыбается.
Весь Рим был в сборе.

Могила Виктора Эммануила всегда покрыта венками - дань живых его чести.

Остатки великого мавзолея Августа, в котором был похоронен не только он сам, но и многие его преемники, сейчас мало кто ищет, кроме любителей древностей. Последним из похороненных здесь императоров был Нерва. Недалеко от реки Тибр, на месте Марсова поля, на большой каменной платформе, ныне находящейся под землей, возвышалось огромное круглое двухэтажное здание, в котором находились покои для усопших. Августа похоронили в центральной камере, которая была покрыта куполом. От нее отходили четырнадцать меньших, большинство из которых сейчас можно проследить, хотя они и находятся в разрушенном состоянии. Над ними возвышалась пирамидальная земляная насыпь с террасами, засаженными кипарисами, над которыми возвышалась большая статуя самого императора. Все это было окружено привлекательным парком.

На протяжении веков памятник был хорошо известен людям. Война, землетрясение и запустение сделали его руины одной из наименее заметных достопримечательностей Рима, но некоторые когда-нибудь найдут в них глубокий патетический интерес. После некоторых поисков я обнаружил вход в них недалеко от Виа ди Рипетта. По моему требованию смотрительница, пожилая женщина, впустила меня с площадки, где я мог рассмотреть часть круглого экстерьера и где сбоку был фонтан. Вделанная в стену табличка с надписью извещала посетителя (на латыни), что здесь находится западная стена мавзолея Августа, раскрытая в результате демонтажа зданий. То, что казалось электрическими проводами, протянутыми вдоль боковой стороны здания, наводило на мысль о любопытной связи между началом первого века и началом двадцатого. Внутри сооружения я прошелся по коридорам, взглянул на сводчатый потолок и через большие окна заглянул в центральное помещение. В двенадцатом веке центральный купол был обрушен землетрясением. После этого центр использовался как арена под открытым небом и до нескольких лет назад был занят популярным цирком. Во время моего посещения здесь хранились большие гипсовые модели для скульптур, которые должны были быть установлены на новом монументе, возводимом в память о короле Викторе Эммануиле. Египетские обелиски высотой сорок пять футов, которые стояли перед входом в первом веке, теперь можно найти, один из них перед Квиринальским дворцом, который является королевской резиденцией, а другой - на площади у великой церкви Санта-Мария-Маджоре. Таким образом, давно разграбленное, место захоронения знаменитого мастера античного мира простояло века, разбитое и заброшенное.

Однако с тех пор, как я там побывал, к нему пробудился новый интерес, и в нем произошли изменения. Круглый интерьер был расчищен и оборудован платформой и сиденьями. Он снова стал местом общественных развлечений и известен как "Августейший". Здесь проходят оркестровые концерты высокого уровня. В перерывах между музыкой посетитель может поразмышлять о марше девятнадцати веков, прошедших с тех пор, как были возведены окружающие его стены.

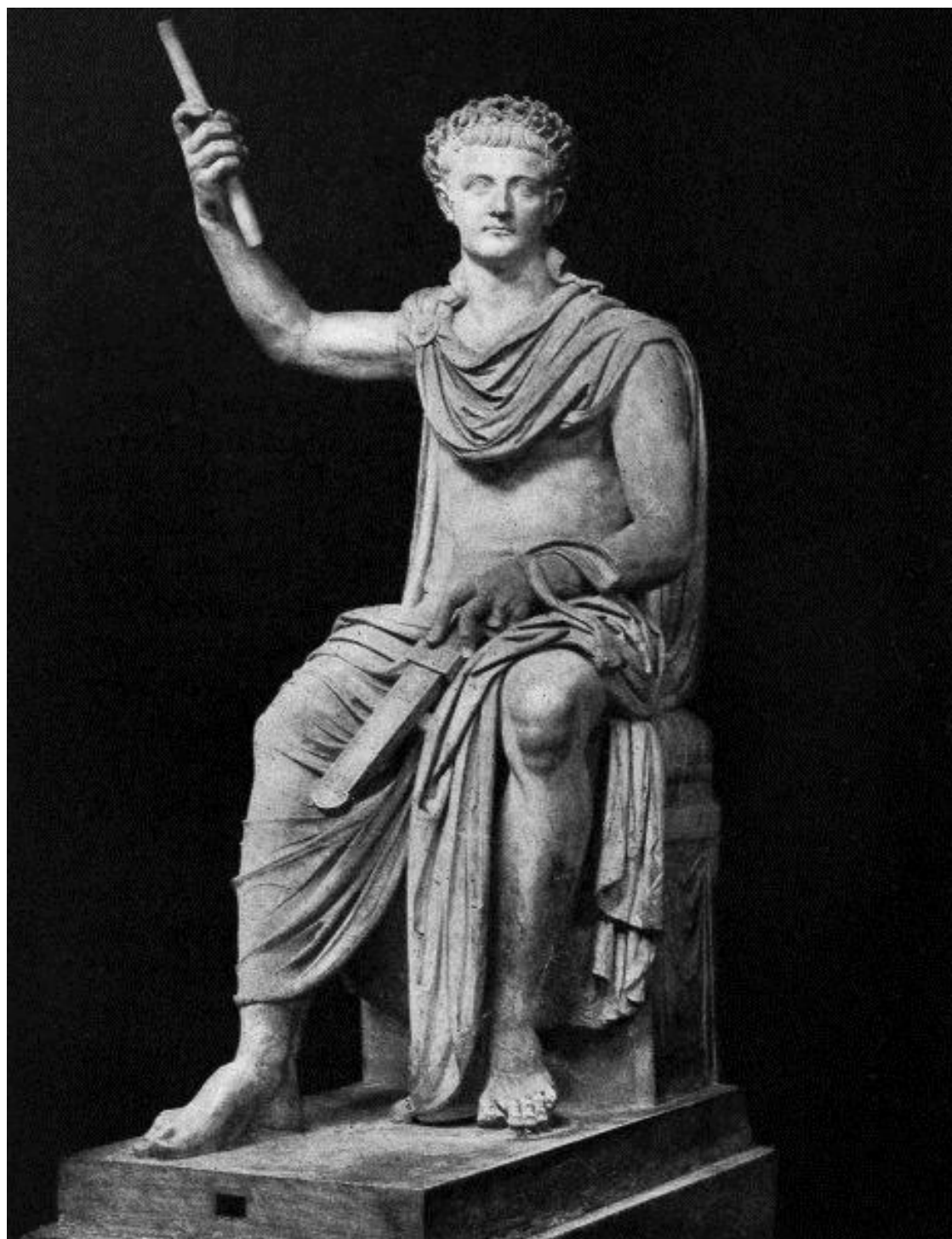
Август находился на троне около двадцати четырех лет, когда родился Иисус. Это святое Дитя пришло разделить нашу участь и открыть людям знание Небесного Отца в то время, когда все политические царства силой или договором объединились под одним именем власти, когда лучшие условия и дороги готовились к распространению христианства и когда люди начали мечтать о том, что может существовать такая вещь, как общая преданность одному великому государю. Не слишком ли трудным был для их умов шаг от созерцания всеобщего господства к доктрине всеобщего братства? Таким образом, тихое и незаметное начало духовной и милостивой миссии нашего Господа резко контрастировало с внешним великолепием великого завоевателя мира, а чисто духовные методы Евангелия - с шумными силами громоздкой армии.

Когда умер Август, Иисусу было около восемнадцати лет. Во времена столь редкого сообщения между отдаленными друг от друга местами тихий галилейский городок, подобный Назарету, не имел никаких отношений ни с кем из высших чиновников, кроме Ирода. Однако Иисус, должно быть, часто видел в детстве римские военные штандарты и группы солдат. Он, должно быть, с интересом и любопытством разглядывал их крепкие доспехи и блестящее оружие, с удивлением наблюдал за их упорядоченными движениями. Римские монеты, должно быть, были для него знакомыми предметами, с их медалью и надписями правящего монарха. Должно быть, он часто обсуждал со своими спутниками различные новости, которые время от времени приходили из великой метрополии империи. Смерть императора в Италии и вступление Тиберия на престол, о чем сообщали курьеры по всему королевству, должно быть, вызвали в нем много серьезных размышлений и возвышенных стремлений, много волнующих целей праведного рвения и нежной любви к людям. Наряду с постепенным расширением знаний о широких масштабах великолепной империи Сезара, в его сознании развивалось возвышенное представление о Царстве Божьем, пророческое видение его благословенной власти и сознание того, что он сам должен стать мессианским Царем.

Никогда вдумчивая часть мира не закончит изучение этой удивительной жизни, детство и юность которой были одними из тех событий, которые произошли в дни Сезара Августа.

ГЛАВА II

ТИБЕРИЙ: ЦЕСАРЕВИЧ СЛУЖЕНИЯ ХРИСТА

ТИБЕРИЙ

После Сезара Августа пришел Тиберий Сезар. Его отца звали Тиберий Клавдий Нерон. Его матерью была знаменитая Ливия Друзилла. Впоследствии она была отнята у мужа и стала женой императора Августа, с которым, как мы уже показали, она разделила почести и власть его выдающейся карьеры. Тиберий и его полный брат Друз, более молодой, чем он сам, стали, таким образом, пасынками Августа.

Еще в юности Тиберий неоднократно оказывал почести, а однажды выступил перед императором с речью в защиту царя Архелая и фессалийцев. Позже он также стал зятем Августа, женившись на Юлии, его сводной сестре. Чтобы добиться этого и тем самым подчиниться приказу Августа, Тиберий расстался со своей первой женой Випсанией, с которой, однако, всегда оставалось его сердце. Суэтоний рассказывает, что однажды после этого, когда он случайно встретил ее, его глаза наполнились слезами и следовали за ней, пока она была в поле зрения. Этот патетический инцидент значительно усиливает наш интерес к нему.

Его брат Друз, к которому он был очень привязан, умер в 9 году до н. э., когда он находился на военной службе на берегах Рейна. Привезя его тело в Рим, Тиберий всю долгую дорогу шел пешком перед похоронным поездом. Август возложил на него также почетную миссию - получить от парфян военные образцы, которые Красс потерял в войне с этим народом, но которые они теперь хотели восстановить.

Тиберий с энергией выполнял все обязанности, которые возлагал на него Август. Поэтому он быстро получил военное повышение. В течение тридцати лет он был выдающимся и искусным полководцем и приобрел большой опыт в государственных делах. Он был строг в военной дисциплине и хорошим администратором. Его девять раз посылали за Рейн с важными миссиями. Многие считали, что он обладает теми суровыми, римскими качествами, которые подошли бы ему для высшей должности. Однако его нрав был несколько угрюмым, и, как и многие его современники, он, похоже, не испытывал особого желания проливать кровь.

За два года до смерти Августа он был допущен к важной и особой доле в правительстве. Ему было тридцать пять лет, когда он взошел на трон. Его восшествие на престол прошло спокойно благодаря тщательному управлению его матери, Ливии, поддержке армии и согласию народа.

Унаследовав от своего предшественника огромную империю, Тиберий с самого начала должен был многое сделать, чтобы удержать в подчинении ее различные части. В течение некоторого времени он избегал глупой расточительности и настаивал на порядке и эффективности в различных ведомствах. Он разгромил планы врагов, замышлявших против него, и проявил немало решительности и твердости. В первые годы своего правления он не позволял себе вступать в конфликт с сенаторами и всячески примирял их. В то же время он был очень послушен желаниям своей честолюбивой матери Ливии, которая всегда следила за его интересами и была большим помощником в осуществлении его планов. Первые девять лет своего правления он был консервативным правителем. Если бы он умер в течение этого периода, то потомки могли бы оценить его как трудолюбивого и патриотичного монарха.

Но даже в это время он не был похож на Августа, поскольку не обладал ни одним из тех ярких качеств, которые привлекают чувства и воображение людей. У него не было личного магнетизма. Он не руководил никакими великими предприятиями. Он не заботился ни о пропитании, ни о посещении захватывающих гладиаторских шоу. С другой стороны, он часто был мрачен и раздражителен, циничен в суждениях и боялся злобы своих врагов. Впоследствии эта склонность усилилась из-за разочарований в домашней жизни. Его брак с Юлией, дочерью Августа, из-за ее дурного характера оказался неудачным и несчастливым. Он ополчился против нее, и пятнадцать лет последующего жизненного опыта не смогли смягчить его отношение к ней.

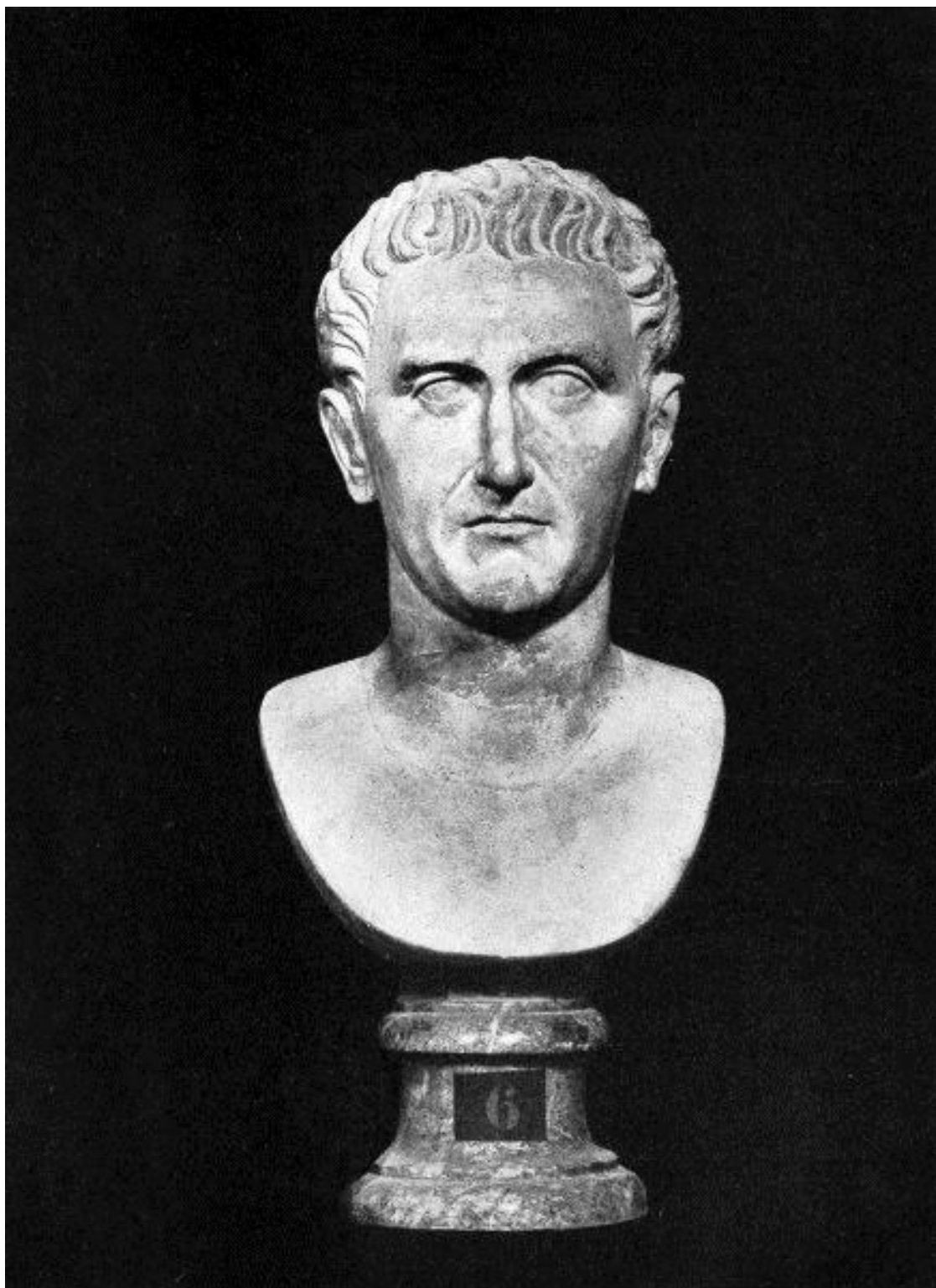
Во время его правления произошли победы, триумфы и смерть его племянника Германика, сына его брата Друза. Германик был отличным солдатом, человеком с интересным

характером и своего рода народным кумиром. Пока народ предавался скорби по поводу его смерти, Тиберий сказал им, что и они, и он сами должны находить лучшее утешение в выполнении своих обычных обязанностей. Это показалось им очень холодным отношением к случаю и подтвердило их подозрения в том, что император ревновал Германика. Это ослабило его привязанность к народу, хотя, чтобы угодить ему, он приказал арестовать Кнея Пизона, которого подозревали в отравлении Германика и который покончил с собой до вынесения приговора.

В то же время Тиберий завершал концентрацию власти в своих руках и начал нанимать *делаторов*, или шпионов, чтобы обнаружить и наказать зачатки всех заговоров против себя. Он с подозрением относился к своим подданным в Риме. "У меня волк за ушами", - говорил он, имея в виду большую часть народа. При таком его отношении к ним неудивительно, что они потеряли для него свою любовь и преданность. Его сын, другой Друз, которому было уже около тридцати лет, стал вместе с ним консулом империи.

Карьера Тиберия поднялась на определенную высоту, а затем постепенно пошла на спад. Переломным моментом стало то, что он ввел в свое интимное доверие печально известного советника по имени Сеянус. Этому человеку он доверял больше, чем опытным офицерам своего царства. Сеянус был абсолютно эгоистичен и коррумпирован, и не желал останавливаться ни перед чем в своем господстве над разумом императора. Тиберий стал проявлять подавленность и угрюмость. Он часто уезжал на остров Капри, расположенный недалеко от Неаполя, чтобы отдохнуть и восстановить силы. Там, на высоких скалах, среди прекрасных пейзажей и мягких бризов благоприятного климата, он разбил для себя обширные сады и виллы и собрал вокруг себя подневольных льстецов, которые удовлетворяли его тщеславие и удовлетворяли его капризы. Он был очарован восточными суевериями и нанял множество колдунов и магов. Ювенал изображает сцену, когда император сидит на скале Капри, а вокруг него - его "халдеи" (то есть прорицатели).

Тиберий продолжал в значительной степени руководить делами империи через других. Его сын, Друз II, оказался человеком способным и хорошо справлялся с возложенными на него обязанностями. Но Сеянус был назначен префектом и получил контроль над городом и преторианской гвардией. Именно Сеянус предпринял смелый шаг, собрав всех солдат этой гвардии - девять или десять тысяч человек - в один лагерь, где они могли бы больше работать по его приказу. Этот лагерь находился на северо-восточной границе Рима, где квадратный выступ в линии стен до сих пор указывает на его большие размеры. Конечно, Друз мешал беспринципным амбициям Сеянуса, поэтому тот коварно добился влияния на жену Друза, и эти двое, Сеянус и эта женщина, вместе отравили перспективного наследника престола. Тиберию обманным путем сообщили, что принц Друз умер только от болезни. Это был тяжелый удар по его самым смелым надеждам. Он проявил большую скорбь перед сенатом и скорбно заявил, что теперь должен передать свои надежды юным детям Германика.

DRUSUS

Тем временем ревность и упреки царили между Тиберием и его матерью Ливией, как одной стороной, и Агриппиной, вдовой Германика и внучкой Августа, как другой. Агриппина жила в Риме со своими детьми без отца, среди которых были третий Друз, Нерон и Каий. Каю под именем Калигулы суждено было стать следующим императором. Сеянус разжигал эту ссору в своих корыстных целях. Он также поощрял императора в его намерении сделать своей постоянной резиденцией остров Капри, что Тиберий вскоре и сделал. Там роскошное уединение императора охранялось с особой тщательностью, но день за днем курьеры

регулярно доставляли ему депеши с континента и из Рима. Его приказы, в свою очередь, передавались в столицу.

Вскоре после этого Ливия, мать императора и вдова Августа, - от чьего несколько официозного надзора Тиберий спасся, удалившись на Капри, - умерла в преклонном возрасте восьмидесяти шести лет, имея на протяжении семидесяти лет почти такое же влияние, как и любая другая персона при римском дворе. Ее также называли Юлией Августой из-за брака с Августом и принадлежности к роду Сезариев. Она сочетала амбиции с благоразумием, большие способности с добродетелью и благожелательностью. На ее похоронах надгробную речь произнес Каий, младший из сыновей Германика.

В своем очерке о жизни Августа я описал некоторые апартаменты дома Ливии с их древними прекрасными фресками, которые до сих пор можно увидеть среди руин на Палатинском холме. Недалеко от начала Аппиевой дороги турист, спустя почти девятнадцать веков, с любопытством и удивлением посещает колумбарий, или большую усыпальницу, названную так из-за ниш в стенах, напоминающих голубятни, в которых, как считается, покоится прах многочисленных слуг Ливии, рабов и вольноотпущенников, число которых, как говорят, превышало тысячу. Это дает некоторое представление о роскоши, в которой она жила.

Теперь беспринципному Сеяну оставалось избавиться от Агриппины, вдовы Германика, и ее детей, которые причиняли ему большие неудобства. Своими преувеличенными обвинениями он побудил Тиберия послать в сенат весть о том, что они должны арестовать и осудить их. Несмотря на серьезное сопротивление народа, это было сделано. Агриппину отправили в изгнание на остров Пандатария, ныне называемый Вентотиен, где она, как говорят, умерла от голода в 33 году н. э. - в год распятия Христа. Ее сын Нерон был отправлен на другой остров, называемый Понтией. Другой сын, Друз, был брошен в тюрьму в Риме. Все они впоследствии погибли несчастной смертью в результате жестокого обращения. А вот другому сыну, по имени Кай, повезло - император отнесся к нему более благосклонно и оставил при себе на императорском курорте на острове Капри.

Сеянуса, который, казалось, теперь был в полной власти, император назначил консулом, чтобы тот служил вместе с ним. Но прошло совсем немного времени, и ситуация изменилась. Тиберий обнаружил полную пустоту и вероломство этого человека, и в тот момент, когда он меньше всего этого ожидал, Сеяна вызвали в сенат в Риме, зачитали обвинения императора против него и бросили в Мамертинскую тюрьму. Гнев Тиберия обрушился и на других, помимо Сеянуса.

Тогда, разочарованный теми, на кого он полагался, и озлобленный собственными успехами в тирании, он начал развлекаться на Капри развратными удовольствиями. Казалось, он сбросил с себя все ограничения приличий и вместе со своими благородными спутниками предавался самым диким оргиям распутства и порока. Древние биографы рисуют эти сцены его жизни в самых мрачных тонах. Он нарушил все честные обещания своих ранних дней и вместо усердного правителя превратился в самовлюбленного, развратного и злопамятного старика. Наиболее милосердный взгляд на его жизнь на Капри заключается в том, что его разум ослабел от мрачных подозрений, абсолютной власти и неконтролируемых appetitов.

Мильтон в своем "Покоренном рае", когда он изображает Сатану, искушающего Христа "всеми царствами мира и славой их", представляет первого таким образом:

"Все народы ныне Риму повинуются;
Великому императору Рима, чьи владения обширны,
В обширной территории, богатстве и власти,
Цивилизованность нравов, поступков и оружия
И долгой славе, ты по праву можешь предпочесть
Перед парфянами.
У этого императора нет сына, и он уже стар,
Старый и распутный и из Рима удалился
На Капрею, остров небольшой, но сильный
На кампанском берегу, с целью там
Свои ужасные похоти наедине услаждать,
Поручив нечестивому фавориту
Все общественные заботы, и при этом подозрительно относиться к нему,
Всех ненавидя и ненавидя. С какой легкостью,
как ты, наделенный царственными добродетелями,
Появляясь и начиная благородные дела,
Можешь ты изгнать это чудовище с его трона,
ставшего теперь стилем, и, на его место взойдя,
Народ-победитель, свободный от рабского ига!"

Конечно, это была очень тонкая форма искушения - внушить благородному уму мысль о смещении монарха, ставшего столь порочным и мерзким.

Юность и ранняя молодость знаменитого писателя и философа Луция Аннея Сенеки пришлось на двадцать три года правления Тиберия. Он родился за семь лет до начала христианской эры в Кордове, в Испании. Его отец был человеком рыцарского звания, а мать, Гельвия, испанская дама, воспетая сыном за благородство и мягкость характера. Они были людьми состоятельными и обладали культурными вкусами.

Когда Сенека был еще младенцем, ему было всего два года, семья переехала в Рим. У него было два брата - Марк Анней Новатус и Луций Анней Мела. Последний был отцом Лукана, поэта упадка римской литературы. Первый известен в истории как Юлий Галлий, имя, которое он принял, когда его усыновил оратор с таким же именем. Это был тот самый Галлий, который стал наместником Ахайи в Греции и перед которым апостола Павла тащили в Коринф иудеи, возмущенные его успехами в проповеди. Когда некоторые греки схватили Сосфена, начальника синагоги, и избили его перед судейским местом, Галлиону "не было до этого никакого дела". Как мало он мечтал о том, что единственное, что сохранит его имя в веках, - это то, что еврей-христианин, малоизвестный в то время, предстал на несколько минут перед его трибуналом! Но он был популярен в свое время благодаря своей культуре и утонченности, и его называли *dulcis Gallio*, - сладкий Галлион.

Сенека получил лучшее образование в свое время. Он изучал риторику и философию. От пифагорейца Сотииона он усвоил доктрину переселения душ, а от стоика Аттала - ненависть к " порокам, заблуждениям и жизненным невзгодам". В теории он научился восхвалять бедность, презирать роскошь и заявлять, что разум должен превосходить окружающую среду. Он был слишком далек от Палестины, чтобы соприкоснуться со служением там Христа и его апостолов, но поразительно вспомнить (и здесь мы можем процитировать слова декана Фаррара), что "среди всех виновных и бурных сцен, в которые была брошена его предыдущая судьба, в Палестине жил и учил Сын Божий, Спаситель мира". В то время как юный Сенека под охраной сопровождавшего его раба шел по людным и опасным улицам Рима,

направляясь в школу, святые Петр и Андрей были рыбаками на берегу Геннисаретского озера; В то время как Сенека горячо усваивал учение Аттала, святой Павел с не меньшим пылом души сидел и учился у ног рабби Гамалиила в Иерусалиме, и задолго до того, как Сенека проделал свой путь по головокружительным и сомнительным тропам к зениту славы, Спаситель людей, неизвестный ему, был жестоко распят.

При жизни Тиберия Сенека писал в основном на темы, почерпнутые из природы, а также об Индии и Египте - странах, по которым он путешествовал. Он завоевал высокую репутацию в литературе. Его мало что связывало с императорским двором. Он не вступал в личные отношения с императором Тиберием, но нередко на своих страницах упоминает об этом "жестоким чудовищем" и об опасной власти его премьер-министра Сеяна. В дальнейшем мы еще услышим о Сенеке.

Хотя некоторые люди, такие как Сенека, начали стремиться к высшему, в целом правление Тиберия было периодом мрачного скептицизма, деградации нравов, разнообразных интриг. Вдумчивые люди утратили веру в старую мифологию, привычное язычество. Многие жаждали чего-то лучшего. Многие погрузились в самый страшный пессимизм. В высшей жизни Рима происходили различные страшные трагедии. Среди всех сословий граждан было много разногласий и смятения. Повсюду царили обвинения и подозрения.

Дважды за время своего пребывания на Капри Тиберий решал вернуться в Рим. Каждый раз он отправлялся в путь с этого гористого острова. Он продолжал его до тех пор, пока не приблизился к императорскому городу. Затем, не заходя в Рим, он каждый раз задумчиво рассматривал его стены и здания и поворачивал назад, напуганный, по слухам, каким-то дурным предзнаменованием. В последний раз, когда он проделывал свой путь через Кампанию, ему стало плохо в Астурии. В Церцеях он председательствовал на праздничных состязаниях в военном лагере, даже бросая собственной рукой копья в диких зверей, которых загоняли перед его местом в амфитеатре.

Но это было слишком тяжело для его физических сил. Хотя он дошел до Мизенума близ Путеоли, дальше он идти не смог. Там он умер в 37 году н. э., когда ему было семьдесят восемь лет, в конце двадцатилетнего правления. Его похороны вскоре после этого были проведены с официальной пышностью его преемником, а тело было положено в мавзолее Августа в Риме.

Таков был император, в пределах правления которого прошла большая часть юности и все общественное служение Иисуса Христа. Казалось, что в его лице эгоистичной власти было позволено разгуляться до предела, прежде чем божественное милосердие должно было проявить себя и пожертвовать собой ради человечества.

В третьей главе Евангелия от Луки мы читаем, что в пятнадцатый год правления Тиберия Цезаря Иоанн Креститель начал проповедовать по всей стране Иудейской. Поскольку Иисусу было "около тридцати лет", когда он пришел к Иоанну креститься, мы полагаем, что Лука ведет отсчет от того времени, когда Тиберий стал ассоциироваться в правительстве с Августом. В тот мрачный век было много тех, кто пренебрегал Богом и доходил до любой крайности несправедливости и порока, но были и те, кто "смирненно и с молитвой ожидал утешения Израиля". Как поразил первых и как обрадовал вторых клич великого Предтечи, раздавшийся в пустыне Иудеи: "Приготовьте путь Господу и прямыми сделайте стези Его!" Среди людей, вышедших послушать Иоанна, были некоторые солдаты Тиберия, которые в то время находились в Палестине.

"Что нам делать?" - спросили они.

"Никому не делайте зла, никого не обвиняйте ложно и довольствуйтесь своим жалованьем", - ответил он.

Ирод Антипа, сын Ирода Великого, был тетрархом или правителем Галилеи при римском императоре после смерти своего отца. В своем мужественном рвении Иоанн Креститель не постеснялся обличить даже этого Ирода Антипу, потому что тот в то время скандально жил с Иродиадой, женой своего брата Филиппа. Иоанна возненавидели и бросили в темницу, где он и оставался до тех пор, пока не был жестоко обезглавлен по просьбе Иродиады, через ее дочь, которая угодила Ироду своими танцами на пиру в день его рождения.

Когда Иисус начал свое служение в Галилее, Ирод, услышав о Нем, сказал:

"Иоанна я обезглавил, а кто этот, о котором я слышу такое? Это Иоанн Креститель, воскресший из мертвых".

И он пожелал видеть Иисуса.

В другой раз некоторые фарисеи пришли к Иисусу и сказали:

"Выйди и пойдешь отсюда, ибо Ирод убьет Тебя".

И Он сказал им:

"Пойдите и скажите лисице той: вот я сегодня и завтра изгоняю бесов и совершаю исцеления, а на третий день буду совершен".

Желание Ирода увидеть Иисуса впоследствии было удовлетворено при весьма примечательных обстоятельствах. Он временно находился в Иерусалиме, приехав на юг из своего города Тивериады на Галилейском море, когда Иисус предстал перед Понтием Пилатом, римским правителем Иудеи. Услышав, что Иисус из Галилеи, Пилат попытался отмахнуться от дела и возложить ответственность за его решение на Ирода, отправив Иисуса к нему на допрос. Но Иисус не стал отвечать на допросы Ирода, и после жестокого обращения со стражниками Ирода его отправили обратно к Пилату, который в конце концов должен был принять решение. Он вынес приговор, несмотря на то, что лицемерно умыл руки в присутствии толпы.

Из светской истории мы узнаем, что одной из причин непопулярности Пилата в народе было то, что, переводя часть римских войск из Кесарии в Иерусалим, он пытался пронести в святой город военные штандарты с изображением императора Тиберия. Старые религиозные чувства иудеев против любого изображения человеческой фигуры, особенно если оно, как в данном случае, имело тенденцию к идолопоклонству, были доведены до предела, и к их протестам пришлось прислушаться. Столь бурные события в Иерусалиме происходили в то время, когда Тиберий был императором в Риме.

Именно лицо Тиберия, или его предшественника Августа, было изображено на римском гроше или *динарии*, который Иисус однажды попросил показать ему. Ища предлог для обвинения перед римскими властями, Его враги спросили Его:

"Законно ли платить дань Сезарю или нет?".

Взглянув на *динарий*, Иисус сказал:

"Воздайте кесарево кесарю, а Божие Богу!"

Правительство Тиберия, конечно, требовало дань от своих граждан, которые пользовались его защитой и использовали его монету: но это требование никогда не должно было мешать их обязательствам перед Верховным правителем всех совести.

И когда иудейский сброд пытался преодолеть угрызения Пилата, крича:

"Если тыпустишь этого человека, то ты не друг Сезара", то они апеллировали к страху Тиберия в сердце Пилата. Центурионы, или капитаны ста человек в армии Тиберия, фигурируют в сценах Нового Завета. Именно тень Тиберия над землей лишала иудеев права предавать любого человека смерти. Для этого им пришлось обратиться к римским властям; и тогда это было сделано не иудейским способом побивания камнями, а римским способом распятия.

Это были римские солдаты, "весь отряд их" в Иерусалиме, которые так бессердечно издевались над Иисусом в зале губернатора. Мы читаем, что "они раздели Его и надели на Него багряницу". И, сделав терновый венец, возложили его на голову Его, а в правую руку Его вложили тростник. И преклонили пред Ним колена, и насмехались над Ним, говоря

"Радуйся, Царь Иудейский!"

И плюнули на Него, и взяли тростник, и ударили Его по голове. И, поглумившись над Ним, сняли с Него одежду и, надев на Него одежду свою, повели Его на Голгофу. Это были римские солдаты, которые вбили гвозди в Его руки и ноги.

"И дали Ему пить уксус, смешанный с желчью".

Они возвели Его на крест, а затем сели играть в азартные игры за Его одежду, изредка бросая взгляд на Его предсмертные муки. Командовал этими воинами римский сотник, который, увидев землетрясение и то, что творилось, сильно испугался и сказал:

"Истинно, это был Сын Божий!".

После этого один из римских солдат вонзил копье в бок распятого, чтобы убедиться, что он мертв, и именно группа этих солдат была поставлена в качестве стражи у запечатанной гробницы. Интересно, были ли чудесные факты о жизни, смерти и воскресении Иисуса когда-либо полностью донесены до императора Тиберия и задумывался ли он об их глубоком значении.

Тиберий не был великим строителем, как Август. Тем не менее он построил или расширил императорский дворец на Палатине. Он находился на северном углу холма и выходил на Форум. От него сохранились некоторые руины, как и от некоторых вилл, которые он возвел на острове Капри. Считается, что последних было десять. Статуи и другие реликвии, связанные с ними, сегодня украшают территории и залы современных летних курортов, расположенных неподалеку от выбранных им мест. В его честь была возведена триумфальная арка на римском Форуме. В честь него был назван и город Тивериада, упоминаемый в Евангелии от Иоанна vi, 23, который тетрарх Ирод Антипа построил как римскую столицу Галилеи и украсил дворцом и стадионом. На краю этого палестинского озера, которое в Писании иногда называется Геннисаретским, иногда Галилейским, а иногда, из этого города, Тивериадским, путешественник и сегодня находит его современного представителя, изломанного и живописного.

Мне запомнилась ночь, когда много лет назад я с друзьями расположился среди его руин и наблюдал за бурей, которая, как часто бывало во времена Христа, поднялась внезапно и

бушевала на водах. Рыбаки, Симон и Андрей, Иаков и Иоанн, занимаясь своим старинным ремеслом, могли видеть сквозь волны стены дворца днем и его сверкающие огни ночью. А неподалеку, в городе Капернауме, на берегу того же озера, Матфей, когда был непопулярным мытарем или сборщиком налогов, сидел на месте таможни и принимал дань, которая шла в казну и правительство Тиберия в Риме.

До Назарета, где воспитывался Иисус, не более пятнадцати миль по холмам; и мы можем предположить, что чудесный мальчик иногда приходил оттуда и смотрел с обрывистого утеса вниз, в глубокую природную котловину, где лежит озеро, и на город Тивериаду на его берегу. В то время берега были заселены многочисленным и оживленным населением. Двенадцать миль в длину и шесть миль в ширину усеивали озеро множеством парусов. Караванные дороги соединяли его города, и в нем были представлены многие расы и языки. Любой юноша из сельской местности с большим удовольствием приехал бы туда и приобщился к великому внешнему миру. Там проходила большая часть служения Его святого мужа, поэтому кажется почти осквернением, что имя Тивериады также должно было быть закреплено за ним. Сейчас здесь мало что привлекает внимание, кроме кружащих берегов, журчащих вод и голубой дымки на окружающих холмах. Однако для христианского студента, знакомого с ее прошлым и влюбленного в характер Того, Кто жил и учил здесь, она приобретает интерес, который не присущ ни одной другой местности на земле.

"О Галилея! Светлая Галилея!
Мы обращаем к тебе свои святыя мысли.
Через всю историю твою
Сияет чарующая тайна
жизни Того, Кто пришел,
неся скорбь, поношение и стыд,
Спасителя мира,
Бог с нами в Галилее!"

Считается, что именно в правление Тиберия два гранитных обелиска, известные как "Иглы Клеопатры", которые в XIX веке до Рождества Христова были установлены Тотмесом III, монархом Египта, перед храмом Солнца в Гелиополе, были перевезены в Александрию и поставлены перед храмом, посвященным Сезарю. В наше время они были перенесены гораздо дальше от своего первоначального места. Один из них стоит на набережной Виктории в Лондоне. Другой находится в Центральном парке Нью-Йорка. Высота последнего составляет 68½ футов, а ширина - почти 8 футов с каждой стороны основания. Кто знает, может быть, Иосиф и Мария во время бегства со священным ребенком в Египет из Вифлеема с удивлением смотрели на его любопытные иероглифы в Гелиополе? Во всяком случае, в том виде, в каком он стоит сейчас в парке одного из американских городов, он является почтенной и тяжелой связью между жизнью сегодняшнего дня и далекими эпохами.

Тиберий находится в Ватиканском музее. Точнее, его мраморное чучело. Оно было обнаружено в наши дни в итальянском городе Вейи и признано экспертами-антикварами подлинным его изображением. Он предстает перед нами в образе молодого человека с прекрасной фигурой и красивым лицом. Правой рукой он держит дубинку, а левой - кинжал в ножнах между коленями; это, кажется, подходящая эмблема - хотя, возможно, и не намеренная - его жестокости. Драпировка перекинута через плечо и через колени. На голове у него венок. Ленты, скрепляющие его, свисают за шею. Его лоб интеллигентен. Волосы

подстрижены прямо. Лицо гладко выбрито. Губы тонкие. Остальные черты лица отличаются крупными размерами. Кто-то может увидеть в фигуре обещание силы и мудрости, которое, однако, не исполнилось. Другие видят в лице лишь слабость и сознание позерства. Как бы то ни было, статуя помогает нам сделать историю реальной для воображения.

Почему этот нечестивец был вознесен до такого почета и власти? Приходит мысль, что у нас нет такого древнего портрета кроткого и смиренного Спасителя, который во времена правления Тиберия "ходил и творил добро", приглашая усталых и обремененных прийти к Себе на отдых. Разумеется, ни одному скульптору из числа выдающихся художников Рима не было поручено с обещанием богатого вознаграждения увековечить в бронзе или мраморе облик и черты презираемого Назарянина.

Это один из многих фактов, напоминающих нам о том, что самые высокие ценности часто приходится долго ждать, пока их оценят. Но эта оценка наконец-то придет. Немногие могут свернуть с оживленных улиц Рима, чтобы посмотреть в галерее Ватикана на это холодное подобие недостойного человека, который покорно правил миром, когда за стенами Иерусалима был воздвигнут жестокий крест и когда к нему с болью протянулись тоскующие руки Воплощенной Любви. Но Жертва на этом кресте одержала славную победу и завоевала Свой трон в миллионах человеческих сердец.

ГЛАВА III

КАЛИГУЛА, БЕЗУМЕЦ

КАЛИГУЛА

Третьим римским императором был Калигула. Его настоящее имя было Кайй. Он был сыном Германика и Агриппины Первой и внуком Друза, который был братом императора Тиберия. По материнской линии он был правнуком Августа. Тиберий, по-видимому, предпочел его в качестве преемника Тиберию Гемеллу, своему собственному внуку.

Кайус воспитывался в основном при королевском дворе и, как мы уже видели, вместе с Тиберием участвовал в роскошных походах этого монарха в последние дни его жизни на острове Капри. Избалованный и польщенный, он, как не странно, вырос тщеславным и своевольным - избалованным ребенком.

Рассказывают, что, когда Калигула был маленьким мальчиком, его одели в миниатюрную военную амуницию, включая сапоги, и представили солдатам преторианской гвардии. Это очень понравилось им, и они получили прозвище Калигула, что означает "маленький сапог". Бронзовая статуя, найденная в Помпеях, изображает его примерно в этот период жизни, с длинными локонами волос, серебряными украшениями на кирасе и обутой в сапоги ногами. В молодости у него, по-видимому, было слабое телосложение. Он был очень возбудим и плохо спал.

Вступив на престол, он на короткое время стал прилежным и задумчивым. Он отправился на остров, где погибла его мать Агриппина I, и привез ее прах в Рим для захоронения в мавзолее Августа. Циппус, или монументальный камень, установленный среди других в городе и воздвигнутый, вероятно, им самим, поскольку на нем упоминается о его восшествии на престол, был выдолблен в средние века так, чтобы стать стандартной мерой для трехсот фунтов зерна, и в таком виде был установлен для всеобщего пользования в портике ратуши. Сейчас она находится во дворе Дворца консерваторов на Капитолии. Калигула ввел некоторые меры мудрого государственного управления. Затем он приобрел большую популярность благодаря своему пристрастию к публичным видам спорта и щедрым тратам на большие гладиаторские представления, которыми Тиберий интересовался очень мало. Похоже, в нем было много предприимчивости и лихости.

Но вскоре Калигула отказался от духа благоразумия и скромности. Он не проявлял истинного интереса к своим подданным. Впрочем, лишь немногие из них знали о его недостойных вкусах и поведении на Капри. На него сильно повлияло общение при дворе с Иродом Агриппой, внуком Ирода Великого, который взял себе имя Агриппа в знак уважения к Випсанию Агриппе, премьер-министру Августа. Позже мы узнаем больше об этом Ироде Агриппе I, ведь именно он под именем Ирода Царя фигурирует в двенадцатой главе Деяний. Агриппа вбил в голову Калигулы восточные представления о том, каким должен быть монарх, а именно: тот, кто должен заставить народ почувствовать свою абсолютную власть и временами ослеплять его великими парадами и поразительными зрелищами. В связи с этим Калигула, как сообщается, сказал: "Пусть меня ненавидят, лишь бы боялись". Очень скоро стало очевидно, что тщеславие, высокомерие и жестокость Калигулы не имеют границ. Он заставил Тиберия Гемелла, своего соперника за трон, покончить с собой. Аналогичная участь постигла и других друзей Тиберия. Его мораль была отвратительной. Его пренебрежение общественным мнением было бесстыдным. Он бесславно жил со своей родной сестрой Друзиллой, а когда она умерла, приказал поклоняться ей как богине. Он последовательно взял трех жен от других мужчин.

Он раздавал короны иностранным принцам. Среди них был и его друг Ирод Агриппа, которому он позволил отправиться в свою тетрахию в Палестине, пройдя через Александрию. В этом городе присутствие Ирода Агриппы стало поводом для оскорбления иудеев со стороны жителей Александрии. Их правитель Авилий Флакк, зная о неприязни иудеев к любым изображениям, подстрекнул александрийцев потребовать, чтобы в синагогах были установлены статуи императора. Это вызвало нестерпимое высокомерие Калигулы. Август и Тиберий позволяли говорить о себе как о божестве в провинциях, но при жизни запрещали поклоняться своей мнимой божественности в Риме. Депутация евреев отправилась в Рим, чтобы отговорить императора Калигулу от подобного идолопоклонства по

отношению к себе. Они сказали, что молились за него и приносили ему жертвы, но боялись Иеговы как единственного Бога. Они были потрясены его богохульством и вернулись удрученные, когда он ответил им:

"Да, вы приносили жертвы за меня, но не мне".

После этого он отдал приказ подготовить статую самого себя, чтобы поклоняться ей даже в Иерусалимском храме. Он дошел до того, что организовал жрецов и жертвоприношения в свою честь. Правитель Сирии велел рабочим медленно приступать к работе над этой статуей, так что она не была закончена до смерти Кая.

Калигула, похоже, действительно убедил себя в том, что он бог, но не моральной чистоты, а, согласно его собственным развращенным представлениям, бог внешней и чувственной силы, - Вакх или Геркулес. Он вызывал себе поклонение на Форуме. Он показывался людям, сидя между статуями Кастора и Поллукса в их храме.

"Если ты не убьешь меня, я убью тебя", - кричал он Юпитеру во время грозы, а потом нелепо изобрел машину для имитации грома. Он построил некий возвышенный проход, который назывался мостом, над крышами домов от Палатина до Капитолия, чтобы можно было пройти и посоветоваться, как он говорил, с Юпитером в его храме. Меривейл говорит, что "стоять на вершине высокой базилики и разбрасывать деньги населению казалось ему актом божественного благодеяния, а плавание вдоль кампанских берегов на огромных галерах, оборудованных портиками, банями и банкетными залами, перемежающимися с садами и огородами, восхищало его как великолепное шествие и как вызов стихиям". Он также построил за большие деньги лодочный мост через залив от Байи до ПUTEОЛИ. Это он сделал в знак своей силы, способной одержать победу даже над самим богом Нептуном. Длина моста составляла около двух миль. Здесь мы можем снова процитировать Меривейла:

"Он разграбил, как нам говорят, дальние и ближние гавани, чтобы собрать все суда, которые мог захватить, пока торговля не была затруднена во всех кварталах, а самой Италии не угрожал голод. Эти суда он связал бок о бок в двойную линию, протянувшуюся от одного берега до другого. На этом широком и хорошо утрамбованном основании он установил огромную платформу из дерева; ее он снова засыпал землей и вымостил на манер военной дороги камнями, обтесанными и уложенными на цемент. Он решил устроить на ней особое представление, новизна и блеск которого должны были превзойти все описанные фантазии королей и императоров. От ПUTEОЛИ до Байи полукруг залива был заполнен восхищенными толпами; отдыхающие в банях и портиках выходили из своих прохладных укрытий; прогуливающиеся по Лукринскому пляжу проверяли свои паланкины и колесницы и заглушали звуки своих восхитительных симфоний; Террасы великолепных вилл, выстроившихся вдоль берегов и омываемых свежей и искрящейся рябью, сверкали тысячами цветов, а яркие ряды сенаторов и матрон топили ужасы народного восстания, которое день и ночь преследовало их, в криках детской радости и восклицаниях. Звон боевой музыки эхом разносился от берега к берегу. Из Баули император спустился на мост, предварительно принеся жертву богам, главным образом Нептуну и Зависти, облаченный в украшенный драгоценными камнями почтовый плащ, который носил Александр Македонский, с мечом на боку, щитом на руке и увенчанный венком из дубовых листьев. Верхом на коне, за которым следовала плотная колонна солдат, он преодолел твердую пешеходную дорожку и ворвался в ПUTEОЛЫ как враг-победитель. Там он устроил своей победоносной армии день отдыха и ожидания. На следующий день он сел в триумфальную машину

и поехал обратно, ликуя в одежде возницы Зеленых на играх в цирке. Шуточный триумф этого въезда был украшен притворными пленниками, представленными царскими заложниками из Парфии, которые в то время находились под опекой римского правительства. За ними длинной процессией следовала армия. В центре моста император остановился и с трибуны, возведенной для этой цели, провозгласил своим солдатам великую победу. Он сравнивал узкое течение Босфора и Геллеспонта шириной всего в семь стадий с широким океаном, который он сковал цепями, и заявлял, что подвиги Ксеркса и Дария - мелочи по сравнению с его могущественным предприятием. Утомив и себя, и слушателей этой непомерной глупостью, он раздал им деньги и пригласил на пир. В сумерках мост и корабли были освещены факелами, а по сигналу вся извилистая линия берега озарилась, как в театре, бесчисленными огнями".

Все это было просто бесполезной экстравагантностью, дикой причудой безумца, капризом детского тирана, который путал произвольную власть и великолепие с божественностью. Он не знал лучшего способа доказать свою богоподобность.

Не исключено, что мысли обо всем этом богохульном высокомерии были в голове у апостола Павла, когда во 2 Фес. ii, 4 он изображает "человека греха", который будет явлен, как тот, "кто противится и превозносится над всем, называемым Богом или поклоняемым, так что он, как Бог, сидит в храме Божиим, выдавая себя за Бога".

Чтобы сохранить свой образ бога, Калигуле пришлось, конечно, совершить много великих дел. Он достроил храм Августа в Риме. Он расширил императорскую резиденцию на Палатине с восточной экстравагантностью, соединив спускающимися портиками дворец Тиберия с храмом Кастора и Поллукса. Он спроектировал, а возможно, и начал строительство великого акведука Клавдия. Он привез из Египта и установил в Ватиканском цирке огромный гранитный обелиск высотой в сто тридцать два фута, который сейчас стоит перед собором Святого Петра, не очень далеко, правда, от того места, где он его установил.

Но Калигула был настолько ревнив к другим людям, что по его вине многие статуи и памятники, воздвигнутые Августом, были сброшены и так разбиты, что имена не могли быть восстановлены на фигурах. Он был настолько поглощен завистью, что страстно желал уничтожить любую заслуженную репутацию. Он запретил распространять труды Вергилия, Ливия и других знаменитых авторов, которых поощрял Август и которыми гордился народ. Он даже угрожал отменить законы и сделать свое слово и волю правилом для человечества. Ни одно личное достоинство не могло укрыться от его переменчивой враждебности.

Он неизбежно должен был с ненавистью смотреть на популярность выдающегося Сенеки. Этот писатель и философ, о котором мы уже упоминали, завоевал всеобщее одобрение во времена Тиберия. Он стал великим адвокатом и начал высказывать возвышенные мнения. Кай гордился своим блестящим остроумием, о котором, правда, до нас дошло несколько иллюстраций; но он не мог терпеть такого благородного и талантливого человека, как Сенека. Он был так недоволен им, что выбрал его для немедленной казни; но один из фаворитов императора шепнул ему, что не стоит тратить силы на то, чтобы погасить угасающую лампу, ведь Сенека в то время был так слаб здоровьем. Так Сенека спасся, но до конца правления Кая скрывался в неизвестности и посвятил себя учебе и размышлениям. Поведение императора вызывало у него отвращение. Он говорит о "несчастных, обреченных подвергаться ударам камней, меча, огня и Кая"; и описывает Кая как человека, чье "лицо было ужасно бледным с выражением безумия, глаза наполовину скрыты под морщинистыми бровями; его голова плохой формы была частично лысой, частично покрыта крашеными

волосами, шея покрыта щетиной, ноги тонкие, а ступни неправильно сформированы". С другой стороны, Каий называл сочинения Сенеки "пустыми рассуждениями" и "песком без извести".

Этот император тратил баснословные суммы на необыкновенные развлечения. В те времена было принято, чтобы вульгарные богачи тратили огромные деньги на украшения и роскошные блюда для своих столов, и в этом отношении Калигулу не превзошел никто из них. Блюда выставлялись перед его гостями с фантастической пышностью, главным образом из-за их редкости и дороговизны. Мозги павлинов, языки соловьев и фламинго, а также редкие птицы из дальних регионов были лишь образцами экстравагантных блюд, а жемчуг, растворенный в сильных кислотах, подмешанных в вино, казалось, придавал дополнительную остроту глупому расточительству. У него были самые богато обставленные банкетные залы, самая изысканная мебель и самая утонченная музыка, какую только могла предоставить империя.

Он любил устраивать грандиозные военные демонстрации. Он с большой помпой отпраздновал бесплодную победу над немцами. Он нелепо хвастался вторжением в Великобританию, от которого отказались неподалеку от берегов этой страны.

Народ вскоре очень устал и стал испытывать отвращение к гулянкам и расточительности Калигулы. Его экстравагантность, конечно же, требовала увеличения налогов, а его капризная жестокость ставила под угрозу жизнь каждого человека. Казалось, ему доставляет удовольствие причинять страдания. Рассказывают, что он велел своим палачам наносить удары так, чтобы их жертвы чувствовали, что умирают, а однажды, когда не хватало животных, он приказал бросить некоторых зрителей в амфитеатре на съедение диким зверям. Его воображение, похоже, было склонно к жестоким и отвратительным мыслям, о чем свидетельствует следующая цитата:

"Однажды на публичном пиру, когда консулы сидели рядом с ним, он внезапно разразился приступом смеха и, когда они вежливо поинтересовались причиной его веселья, поразил их, спокойно ответив, что размышляет, как одним словом заставить головы обоих покатиться по полу. Подобными шуточками он развлекался даже со своей женой Сезонией, к которой, похоже, испытывал более сильные чувства, чем к любой из своих прежних супруг. Сообщается, что, лаская ее шею, он говорил: "Какая она красивая, как легко я мог бы ее разорвать!". Он не довольствовался подобными фантазиями. Слишком часто за ними следовали настоящая жестокость и кровопролитие, так что мало кто мог смеяться над его шутками. Неизвестно, чем он потрясет публику в следующий раз".

"Этот принц, - сказал Сенека, - жил только для того, чтобы показать, на что способны величайшие пороки в условиях высочайшей удачи".

Можно спросить: Где был римский сенат? Неужели он не имел власти во время такого общественного бедствия? У сенаторов было больше власти, чем мужества для ее осуществления. Они были слабыми и колеблющимися, каждый боялся за свою жизнь. Их часто поражали его властные и безжалостные требования, но на следующий день они собирались и оказывали ему раболепные почести.

К счастью, правление Калигулы было недолгим. Оно длилось менее четырех лет. Подавляемая и неясная буря народного негодования долго достигала своего апогея. Но наконец вспышка произошла, и безжалостная молния упала. В один из дней он председательствовал на играх у подножия Палатина. В час перерыва и отдыха он позволил

большей части своей охраны подняться во дворец открытым путем, а сам вошел через криптопортик - длинный туннелеобразный проход под зданием, тот самый, через тень которого обычно проходит современный посетитель Палатинского холма. Кассий Херея, трибун гвардии, которого Калигула оскорбил, насмехаясь над его писклявым голосом, последовал за ним вместе с другими и, задержав его шаги, внезапно ударил его мечом по голове. Удар следовал за ударом, пока жизнь не угасла. Носильщики его саней бросились к нему на помощь со своими шестами, а его небольшая охрана из немцев с диким криком набросилась на убийц. Но убийцам удалось вырваться из узкого прохода, и они оставили тело там, где оно упало. Дружеские руки тайно отнесли его к месту кремации, где оно было сожжено лишь частично. Позже его сестры, Ливия и Агриппина II, полностью превратили его в пепел, который предали достойному погребению.

Люди, должно быть, вздохнули свободнее, когда объявили о его смерти, потому что почувствовали, что за ней не может последовать ничего худшего и может последовать что-то лучшее. Калигула не упоминается в Новом Завете, но он делал свою дикую карьеру в то время, когда Евангелие распространялось из Иерусалима через Иудею и Самарию и, возможно, даже до Антиохии. Проповедь Петра, Филиппа и Иоанна в Самарии и обращение Савла из Тарса примерно в то же время не представляли бы для него никакого интереса, даже если бы ему об этом рассказали.

В Зале императоров Капитолийского музея в Риме есть его бронзовый бюст, по которому мы можем предположить, что он был довольно симпатичным. У него были правильные черты лица и интеллигентная голова, но он хмурил брови. Он не разделял свои волосы. Ни один из первых императоров, кажется, не делал этого, так что, вероятно, это была мода для других мужчин не делать этого. На бюсте он изображен в корсете поверх тканого одеяния, ниспадающего складками с плеч. В лице видна настороженность и энергичность. Возможно, в молодости он был возможным государственным деятелем. Если так, то его сильно испортило раннее обучение в рассаднике разврата и чувственности. Его имя - черное пятно в истории достаточно темного периода, и оно никогда не упоминается, но вызывает презрение.

ГЛАВА IV КЛАВДИЙ, СТОИК

КЛАУДИЙ

После смерти Калигулы сенат был созван в храме Юпитера на Капитолийском холме, а не в привычной курии или доме сената, потому что он носил ненавистное теперь имя Юлиан из семьи, к которой принадлежал убитый император. Прежде всего, на заседании были приняты постановления, обличающие тиранию Калигулы и воздающие почести "восстановителям общественной свободы", как называли убийц, и особенно их главарю Херее. Они также отменили некоторые из самых непопулярных налогов, введенных

Калигулой. Некоторые были готовы проголосовать за то, чтобы память о Цезарях была полностью упразднена, а правительство вернулось к простой республиканской форме, которую оно имело во времена Сципионов и Катона. Другие считали, что монархия должна быть сохранена, но в совершенно иной семейной линии.

Херей, ободренный своими общественными почестями, отдал приказ военному трибуну, который поспешил предать смерти жену и единственного ребенка Калигулы. Вопрос о том, кто должен стать наследником императорского трона, должен был решать сенат. Пока этот орган совещался, вопрос был решен в одночасье благодаря действиям прусской гвардии. В общей суматохе некоторые из них начали грабить императорский дворец. Там они обнаружили, наполовину спрятавшись за занавеской в укромном уголке, мужчину лет пятидесяти пяти, в котором они узнали Клавдия, сына Друза и дядю Калигулы. Он упал к их ногам, вероятно, ожидая только смерти. Но они не посмели поступить иначе, чем уважая кровь Цезарей. Они были преданы царской семье больше, чем большинство сенаторов. Поэтому они провозгласили Клавдия императором и понесли его, изумленного и протестующего, в свой лагерь. Когда утром выяснилось, что сенат не пришел ни к какому решению, Клавдий нашел в себе мужество позволить солдатам высказать свое мнение и присягнуть ему на верность. В обмен на их преданность он пообещал им крупное денежное пожертвование.

Ирод Агриппа I, который был другом Калигулы и все еще находился в Риме, посоветовал сенаторам, что самым мудрым поступком будет уступить желаниям солдат. За этот поступок, как мы увидим, он был впоследствии щедро вознагражден Клавдием. Несмотря на решительное сопротивление, он был провозглашен наследником престола, став первым из многих римских императоров, обязанных своим возвышением военной мощи гвардии преторианцев.

Клавдий родился в Лугдунуме, или Лионе, в Галлии, первого августа, в 9 или 10 году до Рождества Христова. С самого детства он, похоже, был слаб телом и пал духом. Великий Август пренебрегал, если не сказать презирал, его. Его собственные родители стыдились его как немощного инвалида. Его не считали достойным занять какую-либо высокую должность при императорском дворе. Однажды он попросил императора Тиберия о более широких обязанностях, но получил лишь пустые почести. Говорят, что у него была какая-то форма паралича, руки дрожали, а речь была несовершенной. Калигула возвел его в консулы и предоставил ему почетное место на публичных зрелищах, но в частной жизни он стал объектом грубых шуток и насмешек. Поэтому он смирился со спокойными занятиями, смирился с мнением, что в жизни его не ждет ничего великого, и обратил свое внимание на литературные занятия. С некоторой помощью он написал несколько исторических томов и жизнь Цицерона. Возможно, для того времени он был добропорядочным гражданином, и когда его сделали императором, это, несомненно, стало приятным изменением для народа по сравнению с возмутительными экстравагантностями Калигулы.

В самом начале своего правления он изменил некоторые из суровых постановлений своих предшественников, вернул владельцам несколько конфискованных частных поместий, вернул в различные города статуи героев, которые были из них вывезены, и восстановил храмы, которые осквернил Калигула, до их первоначального использования. Он также казнил убийцу Калигулы. Опасаясь насилия, он обеспечил охрану своей персоны. Он уважал достоинство сената, возложил на сенаторов ответственность за исполнение своих обязанностей и увеличил их число, выдвинув на эту должность людей из конного сословия.

В этом вопросе он не ограничивался Италией, а распространил свои взгляды на Галлию, провинцию, в которой родился. Он выступил в сенате с речью в защиту этой меры. Эта речь была переписана на медные таблички и сохранена жителями Лугдунума (Лиона). Одна из них была обнаружена три века назад, и теперь ее можно увидеть в музее этого города, хорошо сохранившуюся и четко читаемую. Он прекратил всякое поощрение шпионов и доносчиков. Он постановил, что больные рабы, оставленные в храме Эскулапия, должны быть освобождены, если они выздоровели. Он также заботился о развлечениях народа, поддерживая популярные гладиаторские представления и иногда доходя до того, что шутил со зрителями над артистами. Эти обязанности развили в нем неожиданную независимость и силу, и все эти труды не помешали улучшить его здоровье.

Римская армия в это время активно действовала на границах Галлии и Германии. Клавдий решил осуществить задуманный Августом план вторжения в Британию. Он даже лично отправился в эту страну, переправившись через канал и присоединившись к римскому полководцу Аулусу Плаутию в его кампании против туземцев. Он отсутствовал в Риме шесть месяцев и добился таких военных успехов, что по возвращении сенат устроил ему публичный триумф. По этому случаю он добавил к своему имени титул *Britannicus*, который впоследствии стал также особым обозначением его сына.

Чуть позже, в правление Клавдия, Карактак, вождь британцев, оказавший сопротивление римским войскам, был захвачен в плен и доставлен в Рим вместе с женой и дочерью. Все присутствующие при императорском дворе были поражены благородством этого пленника, который красноречиво отстаивал свою жизнь. Клавдий, надо отдать ему должное, проявил к нему императорское милосердие. У меня будет повод упомянуть о вторжении Клавдия в Британию, когда в одной из последующих глав я расскажу о друзьях Павла в Риме и среди них о женщине Клавдии и ее возможном британском происхождении и связях.

Клавдий был щедр и тактичен с князьями, подчинявшимися Римской империи. Антиоха он поселил в Комагене, Митридата - на Босфоре, о чем я уже упоминал, а Ирода Агриппу I - в Галилее с присоединением Иудеи и Самарии к его владениям. Именно во время правления Клавдия этот Ирод Агриппа I "простер руки свои на злобу некоторым из церкви", как сообщает нам Лука в двенадцатой главе Деяний. "И убил он мечом Иакова, брата Иоаннова. И так как он видел, что это угодно Иудеям, то пошёл далее, чтобы взять и Петра". Петр был чудесным образом освобожден из темницы. Но вскоре Ирод был поражен страшной болезнью. Это случилось, когда он гордо выставлял себя перед народом, как описано нам в той же главе следующим образом:

Ирод был очень недоволен жителями Тира и Сидона; но они единодушно пришли к нему и, поставив своим другом царского камергера Бласта, желали мира, потому что страна их питалась от страны царской. И в назначенный день Ирод, облачившись в царские одежды, сел на свой трон и обратился к ним с речью. И народ поднял крик, говоря: "Это голос бога, а не человека". И тотчас Ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу; и он был изъеден червями и испустил дух. Но слово Божье росло и умножалось.

Знаменитые города Трев во Франции, Кельн на Рейне и Колчестер в Англии обязаны своим происхождением правлению Клавдия. Первоначально Кельн назывался *Colonia Agrippinensis* в честь Агриппины, которая родилась в этих окрестностях. Став императрицей, она взяла на себя лидерство в военных вопросах, которое никогда прежде не занимала женщина, и похвасталась тем, что первой из своего пола основала колонию римских ветеранов. Колчестер, что означает "лагерь на реке Колне", находился на месте древнего города

Камелодунум, резиденции главного властителя южной Британии, вождя тринобантов. Когда эти люди были обращены в бегство, Клавдий основал здесь римский лагерь и колонию, чтобы держать их и другие варварские племена в трепете. Их научили приписывать победы римлян благосклонности определенных божеств, а среди святилищ, возведенных в колонии, был храм необычных размеров для поклонения самому Клавдию. Подобные божественные почести, как мы видели, иногда принимали и его предшественники. В Колчестере до сих пор можно увидеть две мили городских стен и другие реликвии, относящиеся к периоду римской оккупации.

От Кая Калигулы Клавдий получил истощенную государственную казну и пустые амбары. Скудные урожаи привели к нескольким периодам голода в разных частях света. Светские историки утверждают, что один из них произошел в Палестине и Сирии во время его правления. Мы читаем в Деяниях ii, 28, как такой голод был предсказан пророком Агавом в Антиохии, так что ученики там решили послать помощь своим братьям в Иудею, что они и сделали руками Варнавы и Савла; и священный писатель говорит, что этот голод произошел во времена Клавдия Сезара. В качестве одного из средств, позволяющих быстрее доставлять египетскую пшеницу в Рим и тем самым предотвратить подобные периоды нехватки хлеба в императорском городе, Клавдий распорядился построить большую гавань в устье Тибра - предприятие, которое потребовало много массивной каменной кладки и которое надолго облегчило торговлю империи. Со временем действие потока, ветра и прилива заполнило и почти уничтожило ее. За семь лет он также довел до конца строительство мощного акведука для подачи воды в Рим с Альбанских холмов - инженерное достижение, которое всегда было известно как Клавдиев акведук. Путешественник до сих пор удивляется его огромным аркам, протянувшимся через одинокую Кампанию. Прокладка туннеля в горах, чтобы обеспечить лучший выход к Фуцинскому озеру, была еще одним великим инженерным достижением его времени, завершение которого было достойно отпраздновано военно-морскими упражнениями и мнимым сражением на озере.

АКВЕДУК КЛАВДИЯ

Если бы мы могли ограничить наше представление о Клавдии только изложенными фактами, мы могли бы думать о нем как о человеке, который во многих отношениях весьма разочаровал ту низкую оценку, которой придерживалось большинство людей в начале его карьеры. Но, увы, его большая слабость заключалась в том, что он был слишком легко обманут и управляем другими. Особенно это проявилось во влиянии на него его порочных жен. Первая дама, обрученная с ним в юности, была отвергнута им, потому что ее не одобрил император Август. Следующая умерла в день, назначенный для бракосочетания. Третья, по имени Ургалания, стала матерью двоих детей. Один из них был задушен грушей, которую он пытался проглотить. После этого Клавдий развелся с этой женой, обнаружив, что она была неверна; а второго ребенка он приказал выставить на смерть. Следующая жена также была разведена как неподходящая. Последними двумя были Мессалина и Агриппина, обе, как мы увидим, дожили до глубокой старости.

Мессалина, внучка Марка Антония, была выдана замуж за Клавдия, когда у него не было никаких перспектив вступить на престол. Считается, что в то время ей было всего пятнадцать лет. Она стала очень амбициозной женщиной, не имеющей никаких моральных принципов. Она особенно ревновала к Юлии и Агриппине, двум племянницам императора, которые, как и она сама, были блестящими, но злыми женщинами. Она не уважала своего мужа, а когда он стал императором, использовала свое положение для достижения личных целей. Она была ужасающе безнравственна. Ее имя, действительно, стало нарицательным для женской развращенности. Она брала взятки у других и вымогала подарки у своего мужа.

После воцарения Клавдия философ Сенека вышел из безвестности, в которую его загнала ревность Калигулы. Для его собственного душевного спокойствия было бы лучше, если бы он продолжал свои размышления в уединении. Хорошо сказано, что все, чего добился Сенека в результате своей честлюбивой карьеры при дворе, - это то, что его заподозрил один император, изгнал второй и убил третий.

Клавдий не только находился под влиянием бесчестной жены, но и в значительной степени отдал себя под контроль некоторых злых людей, выбранных из числа вольноотпущенников. У низшего класса римских рабов было мало надежд на улучшение своего положения. Но существовал более высокий класс, в основном из Греции и Сирии, которые были прекрасно обучены и образованы и могли рассчитывать на получение свободы в начале жизни, когда у них появится много возможностей стать любимыми сотрудниками, если не близкими советниками, своих бывших хозяев и других людей. Некоторые из них были достаточно прозорливы, чтобы достичь больших успехов и власти и занять видное место на страницах истории. При дворе Клавдия было несколько таких вольноотпущенников. Это Нарцисс, его личный секретарь, Полибий, его литературный советник, и Паллас, его бухгалтер. Сюда же можно отнести еще одного вольноотпущенника, о котором мы читаем в Писании, - Феликса, брата Палласа, который стал прокуратором Иудеи и перед которым предстал апостол Павел. Первые три из этих людей, если не четвертый, прославились накоплением огромных богатств и своей наглостью. Некоторые ученые, такие как Лайтфут и Рэмси, считают, что Нарцисс, о котором здесь идет речь, был тем человеком, некоторые рабы которого были известны апостолу Павлу как христиане и получили от него приветствие в Римлянам xvi, 11.

Нарцисс, Полибий и Паллас постепенно стали контролировать исполнение законов. Двое из них, Нарцисс и Паллас, приобрели свое богатство зачастую нечестным путем. Однажды, когда Клавдий пожаловался, что доходы императора слишком малы, ему ответили, что он будет достаточно богат, если два его богатых вольноотпущенника возьмут его в партнеры.

Своими обвинениями они добились от Клавдия сурового суда над разными людьми, которых они ненавидели. Они побудили его раскрыть несколько заговоров против собственной персоны, но, похоже, он едва ли знал о многих злодеяниях, которые процветали, пока он занимался государственными делами или председательствовал на роскошных банкетах. На них он позорил себя обжорством и невоздержанностью. Старательный труженик в расцвете сил, он стал глупым тупицей в старости.

Римский двор настолько выродился, что его история приобрела вид скандальной хроники. Это было, безусловно, жалкое место для человека, который, подобно Сенеке, излагал возвышенные апофеогмы нравственной философии. Используя возможности для вложения унаследованного богатства, он чрезвычайно разбогател и, хотя был одним из самых просвещенных людей своей эпохи, позволил поместить себя в самую загрязненную среду. Возможно, именно его неприятие поведения императрицы сделало его сторонником ее соперников, чтобы Мессалина могла найти предлог для обвинения его в интриге с Юлией. Юлия была изгнана, а затем предана смерти.

До нас не дошло ни одного положительного доказательства вины Сенеки. Напротив, некоторые историки признают его невиновным. Но он был осужден сенатом и сослан на бесплодные берега Корсики. Он рассказывает, что Клавдий пытался помешать этому, но планы Мессалины были слишком глубоко заложены, чтобы их можно было пресечь. Примечательно, что ни в одном из своих дошедших до нас сочинений Сенека не оскорбляет ее. Он попрощался со своей благородной матерью и любимым братом Галлио, с племянником Луканом, подающим надежды молодым поэтом, и с Марком, своим маленьким мальчиком, а затем покинул город, изгнание из которого было самым тяжелым испытанием для римлянина. Он удалился в место своего изгнания. Там, среди неприятной обстановки, он утешался философией и написал "Утешение" своей матери Гельвии, которое является одним из самых благородных его произведений. Однако следует признать, что его прекрасные моральные наставления не помешали ему написать письмо Полибию, в котором он унизительно льстит Клавдию, явно для того, чтобы добиться его освобождения и возвращения в Рим. Если он рассчитывал на это благодаря вмешательству Полибия, то его ждало разочарование, так как этот вольноотпущенник и фаворит, хотя и имел ранее большое влияние на Мессалину, вскоре лишился жизни из-за ее махинаций.

Мессалине долгое время удавалось скрывать свой настоящий характер, но когда ее бесстыдство достигло высшей точки в открытом браке с другим мужчиной, негодование императора было вызвано. Затем последовала новая трагическая сцена. Клавдию, видимо, удалось убедить ее в том, что это - шуточный брак ради забавы, но весь Рим знал больше и расценил его не только как гнусную процедуру, но и как попытку узурпировать политический трон. За некоторое время до этого Мессалина возжелала сады на Пинциевом холме, которые долгое время были известны как собственность роскошного Лукулла и которые в наши дни могут быть частью территории виллы Медичи. После Лукулла они принадлежали Валерию Азиатик. Мессалина подговорила воспитателя своего сына Силия, чтобы тот обвинил Азиатика в развращении армии. Таким образом она добилась его смерти, а затем завладела садами. Здесь, когда дикое веселье, сопровождавшее отвратительные свадебные церемонии, достигло своего апогея, один из гостей, Веттий Валенс, взобрался на верхушку дерева и, когда его спросили, что он видит, ответил в шутливой форме:

"Я вижу, что со стороны Остии приближается сильная буря".

Было хорошо известно, что император находится в этом месте. Буря действительно приближалась. Вскоре прибыли гонцы, сообщившие, что Клавдий уже в пути. Новость

обрушилась как удар грома. Мессалина обратилась за защитой к Вибидии, начальнице весталок-девственниц. Вместе с детьми она поспешила через весь город к Остийским воротам, чтобы умолять императора о милости к его прибытию. Она села в повозку рыночного садовника, который случайно проезжал мимо. Но Нарцисса привлекла внимание императора, пока она приближалась, рассказами о своих преступлениях; а Мессалина холодно прошла мимо. В тот вечер, когда Клавдий наслаждался удовольствиями за столом, он проявил некоторые признаки смягчения чувств при упоминании о ней. Нарцисс понимал, что промедление опасно для него самого. Поэтому он послал трибуна и центурионов убить императрицу в саду Лукулла, куда она вернулась. Она рыдала от отчаяния, когда двери были выбиты и перед ней предстал трибун со своими людьми. Она взяла в руку кинжал и, когда дважды тщетно уколола себя, трибун нанес смертельный удар. В своей смерти она была сравнима с древней Иезавелью, которую убили на земле или рядом с ней, которую она нечестиво отняла у своего владельца. Клавдий еще не отошел от ужина, когда ему сообщили о ее гибели. Он не задавал вопросов и не проявил никаких эмоций.

Вскоре после этого император женился на Агриппине II, сестре Калигулы, дочери Германика и старшей Агриппины. Чтобы отличить ее от матери, ее обычно называют Агриппиной Второй. Она была племянницей Клавдия.

Брак столь близких родственников был противен большинству римлян. Но хитрая женщина сумела преодолеть все возражения, и свадьба состоялась. Она не унаследовала ни одной из добродетелей своих выдающихся родителей, была воспитана злыми родственниками и выдана замуж за Кнея Домиция Агенобарба, одного из никчемных молодых вельмож того времени. От него у нее был один сын, к которому она питала естественную привязанность. После брака с императором она постоянно работала в интересах этого сына, возлагая на него самые большие надежды. Одним из первых ее шагов стало обручение его с Октавией, дочерью императора. Она также официально убедила Клавдия принять его в семью Клавдиев, поставить его в один ряд с собственным сыном Британником и, поскольку он был на три года старше Британника, предоставить ему фактическое первенство во многих почестях. В связи с этим усыновлением молодой человек получил новое имя и стал называться Клавдием Домицием Нероном.

Агриппине также удалось избавиться - путем изгнания, позора или смерти - от одной за другой женщин, которые были ее соперницами при императорском дворе. Среди них были Лепида и Кальпурния. Против богатой Лоллии Паулины она выдвинула обвинение в колдовстве и измене, чем добилась конфискации большей части ее имущества и изгнания из Италии. Говорят, что даже это не удовлетворило ее, но она послала трибуна принести ей голову своего врага, и когда ее положили перед ней, она подняла губы своей рукой, чтобы убедиться в ее идентичности по следам на зубах. Эту ужасную историю Меривейл и другие цитируют у древнего историка Диона. Хорошо сказано, что она, должно быть, даже превзошла леди Макбет в своей злобной и фригидной жестокости.

Тацит говорит, что именно в надежде противостоять непопулярности, которую эти ужасы вызвали в общественном сознании, Агриппина вызвала Сенеку из его изгнания на Корсике и сделала его воспитателем своего сына. Таким образом, великий философ вновь оказался на сцене придворной и общественной жизни Рима. Таким образом, Агриппина отменила часть работы Мессалины, которую она люто ненавидела. Возможно, на нее повлияло и то, что Сенека был возмущен Клавдием, и это могло сделать его более полезным для нее и ее сына, если между ней и ее мужем возникнет вражда. Конечно, для Сенеки было бы лучше, если бы

он остался на Корсике. Он вернулся в очень опасную среду. Возможно, его подтолкнуло к этому знание того, что человек старого верного типа, Афраний Буррус, должен был занять очень важный пост префекта преторианской гвардии. Возможно, эти два человека были патриотами и верили, что смогут не допустить ухудшения ситуации.

Агриппина, оставив императору друзей, которые ему нравились, и все знаки власти, постоянно злоупотребляла его доверием. Странно, что он был так податлив к ее интригам и злой воле. Похоже, что обычно он был туповат и глуповат, но когда возбуждался, то был импульсивен и мстителен. Наконец его вольноотпущенник и секретарь, Нарцисс, начал открывать ему глаза на то, насколько он был обманут своей женой, и на то, что она пренебрегала всеми обязательствами перед ним. Он казался глубоко тронутым этим открытием и заметил, что его судьба всегда была такова, чтобы терпеть, а затем наказывать злобу своих жен.

Эти слова, повторенные Агриппине, ясно показали ей, что если она хочет добиться успеха в своей цели - получить трон для своего сына Нерона, - то ей не стоит рисковать промедлением. Она знала, что не сможет причинить мужу никакого вреда в присутствии его секретаря Нарцисса. Поэтому она договорилась с врачом Нарцисса, чтобы его отправили на лечебные источники для поправки здоровья. Когда он уехал, она приступила к осуществлению своего зверского плана. Какими-то путями она заручилась попустительством Халотеса, императорского пращера (раба, чьей обязанностью было оберегать его от яда, пробуя каждое блюдо, прежде чем подать его ему), и Ксенефона Косского, его врача. Затем она проконсультировалась с Локустой, печально известной женщиной, которая, как известно, была профессиональной отравительницей, к услугам которой часто прибегали в те беспокойные дни. Само существование такой женщины - страшное свидетельство царивших в те времена беззаконий. Был найден состав, который наилучшим образом подходил бы для этой цели, не слишком быстрый в своем действии, чтобы не вызвать подозрений, и не слишком медленный, чтобы Клавдий не успел что-нибудь устроить для Британника. Яд был подмешан ему в блюдо с грибами, которые он необычайно любил. Говорят, что Агриппина сама поднесла ему кусочек блюда, когда он был в состоянии легкого опьянения, и это сразу же заставило его замолчать. Впоследствии, когда появились признаки того, что из-за его обжорства пища может оказаться неэффективной, под предлогом вызвать рвоту и тем самым избавить его от боли, лекаря заставили засунуть ему в горло перо, смазанное смертоносной жидкостью. На этом злодеяние было завершено. К утру Сезар превратился в труп.

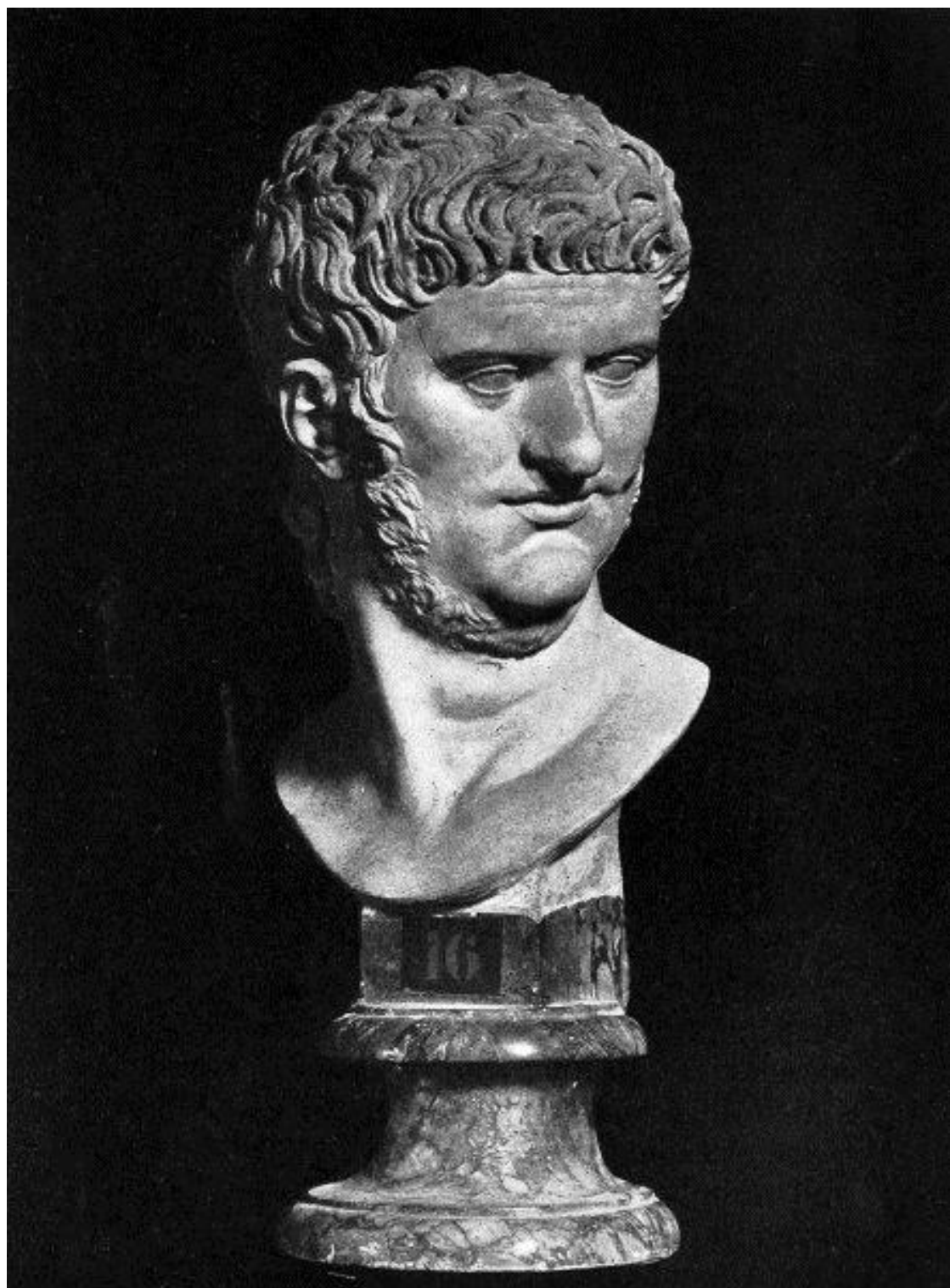
В то время как в царствование Клавдия происходили все эти захватывающие сцены, апостол Павел продолжал свое удивительно искреннее служение Евангелию Иисуса Христа и совершал миссионерские путешествия по Малой Азии, Македонии и Греции. Именно в связи с его встречей с Акилой и Прискиллой в Коринфе мы читаем в Деяниях xviii, 1, что "Клавдий повелел всем Иудеям удалиться из Рима". Римский историк Суетоний рассказывает об этом указе и говорит, что он был издан потому, что иудеи "постоянно устраивали беспорядки, а зачинщиком был Хрест". В записях того времени нет ни одного известного еврея по имени Хрестус, поэтому некоторые задаются вопросом, не является ли Хрестус латинским исправлением греческого слова *Christos*, и не были ли эти беспорядки среди евреев спорами о Христе, или Мессии, которого они ожидали, или даже об Иисусе, претендующем на роль этого Мессии. Предположение интересно, но мы не можем доказать его правильность.

Как и его предшественники, Клавдий представлен нам в древнем искусстве в виде множества статуй и бюстов. Тот, что выбран для иллюстрации этих страниц, показывает нам его в льстивой манере, как будто он обладает атрибутами Юпитера. Он стоит полузакрытый, с

венком из дубовых листьев на голове, его левая рука поднята вверх, чтобы схватить верхний конец длинного посоха, а у правой ноги лежит орел. Фигура не лишена некоторого величия, но на его лице, кажется, читается тревога и усталость. Конечно, у него было достаточно поводов для беспокойства и усталости как в общественной, так и в личной жизни. Неожиданно призванный стать императором, он усердно трудился на государственной службе, но не выдержал морального напряжения столь высокого положения и стал неразборчивым духом беззаконных и злобных врагов. Самыми страшными его врагами были его собственные домочадцы.

ГЛАВА V

НЕРОН, ЖЕСТОКИЙ

НЕРОН

Луций Домиций Нерон, следующий римский император, был, как мы уже видели, пасынком Клавдия и внуком знаменитого Германика, который был братом Клавдия. Его матерью была Агриппина II, сестра Калигулы. Эта Агриппина стала последней женой Клавдия, а Нерон был ее сыном от бывшего мужа, Луция Домиция. Род Домициев был знаменит на протяжении нескольких поколений, и та его ветвь, к которой принадлежал отец Нерона, а именно

Агенобарбы, или меднобородые, издавна славилась своими способностями, богатством и властью. В то же время она отличалась неверностью и свирепостью многих своих представителей. Суэтоний рассказывает, что первый Луций Домиций, основатель рода, был тем человеком, которому Кастор и Поллукс объявили о победе, одержанной на озере Регилл, когда они въезжали в Рим, и что его борода тогда изменилась с черной на рыжую в знак этого сверхъестественного проявления. Говорят, что ахенобарбы всегда наследуют как цвет лица, так и имя.

Когда Нерону было три года, его отец умер. Его дядя, император Калигула, сумел обманом лишить его наследства, но затем император Клавдий вернул ему его, добавил к нему другое имущество и одарил многими почестями. Его мать стремилась дать ему правильное образование и воспитать его манеры в соответствии с лучшими стандартами того времени. Говорят, что в детстве он был ласковым, способным к обучению и любил похвалу.

Как племяннице Клавдия, Агриппине было позволено занять место в императорском дворце рядом с самой императрицей Мессалиной. Когда беспутный характер Мессалины стал очевиден для всех, Агриппина, как мы уже рассказывали, воспользовалась этим, чтобы повысить собственную благосклонность к императору и интересы своего сына как возможного наследника престола. Это была дерзкая мечта, ведь таким образом он должен был занять место Британника, сына императора от Мессалины. После несчастной смерти Мессалины, когда Агриппина достигла вершины своих амбиций и стала женой Клавдия (сенат специальным эдиктом санкционировал этот союз дяди с племянницей), эта хитрая женщина смогла еще успешнее выдвинуть на первый план собственного сына и отодвинуть Британника на задний план.

Мы уже рассказывали, что философ Сенека был вызван из изгнания, в котором, вероятно, из-за ненависти Мессалины, он жил на острове Корсика, и был выбран в качестве специального наставника молодого Нерона. Сенека был не только тонким теоретиком в области государственного управления и морали, но и проницательным в деловых вопросах, а также имел вкус к государственным делам. Вероятно, он был настолько хорошим наставником, насколько можно было найти для такой службы в то время. Однако он был очень снисходителен к своему королевскому воспитаннику. Он обнаружил в нем грубую натуру с сильными порывами. Он решил привлечь его к своим обязанностям, потакая в другое время его легким вкусам. Молодой человек стал искусен в пении, игре на трубах и танцах, хотя эти занятия не одобрялись консервативными римлянами как неуместные в военной жизни покорителей человечества. Но Сенека, похоже, пошел дальше, уступив природным наклонностям Нерона. Он попустительствовал некоторым его порокам. Окруженный льстецами и интриганами, развращенными приверженцами безнравственности, Нерон рано проникся дурными принципами и перенял порочные обычаи. Он раздулся от тщеславия и был склонен к глупому хвастовству. Злодеяния его собственной матери, должно быть, уничтожили в нем все чувства добродетели. Что можно было ожидать от импульсивного молодого человека с такой наследственностью и таким окружением?

В то время как он был выдвинут на роль общественного защитника популярных мер, Агриппина не оставила Британнику ничего, кроме пренебрежения. Воспитанники детства последнего, между которыми и им самим возникла взаимная привязанность, один за другим были удалены от него под ее влиянием, и он был оставлен, насколько это было возможно, в тени.

Когда Клавдий умер, Агриппина поставила точку в своем хитроумном управлении, скрыв объявление от общественности, пока все не было готово. Она даже сообщила, что ее мужу лучше, и позаботилась о том, чтобы Британник и его сестры оставались под ее пристальным наблюдением. Перед теми во дворце, кто знал о смерти Клавдия, она до полудня следующего дня изображала величайшую скорбь. А когда префект Бурр прошел через двор, чтобы представить наследника престола преторианской гвардии, рядом с ним шел не Британник, а Нерон. Некоторые, правда, осмеливались роптать:

"Где же Британник?".

Но не нашлось никого, кто бы выступил в его защиту; и вот сына Агриппины приветствовали как императора. Рассказывают также, что в первый вечер его императорской власти, когда дозорный дворца пришел спросить у него слово для ночной вахты, он, хорошо зная, кому обязан своим тронem, ответил: "Optima Mater" - "Лучшая из матерей". В какой степени это чувство благодарности сохранилось у него в последующие годы, мы увидим.

Сенека, поэт и философ, как говорят, написал сатиру на смерть императора Клавдия. Сенат, следуя глупым прецедентам, объявил, что он стал богом. В этой сатире он изображен превратившимся в тыкву. Сенат приписал ему божественность. Сатир шутливо говорит о его тыквенности. Некоторые панегиристы философа не хотят верить в идентичность, но многие авторы утверждают, что эта сатира была по сути той же самой, что и известное древнее произведение под названием "Пьеса на смерть Нерона", дошедшее до нас, которое несет на себе многие следы стиля Сенеки и в бурлескной манере описывает прием и позор Клавдия среди богов. Она переполнена презрением к императору, что странно контрастирует с почти презрительной лестью, которую Сенека писал о нем, когда стремился завоевать его расположение и таким образом вернуться из изгнания. В общем, с Сенеки трудно снять обвинение в корысти и лицемерии. Гораздо легче писать благородные сентенции о бескорыстии, чем воплощать их в жизнь в дни искушений! От высмеивания умершего императора сатир переходит к приветствию нового цветистым языком. Она гласит:

"Как яркое солнце смотрит на мир и пускает колесницу в свой ежедневный бег, так и Сезар врывается на землю. Таков Нерон, на которого сейчас смотрит Рим!"

Нерону было семнадцать лет, когда он был призван управлять цивилизованным миром. Измученный жестокостями его предшественников, народ не мог не приветствовать светлолицего юношу, чьи предшественники не вызвали серьезных опасений. Бюсты изображают его круглолицым, с неприятным выражением лица и небольшой бородкой. Его волосы, как говорят, были желтоватого или песочного цвета. Его фигура не отличалась хорошими пропорциями: толстая шея, крупное тело и стройные ноги. Его глаза были темно-серыми, а зрение несколько ослаблено. Он был небрежен в одежде, но любил наряды. Особенно он заботился о своих локонах, укладывая их в несколько женоподобной манере. Иногда он сильно оскорблял привередливый вкус тем, что ходил с голыми ногами, не подпоясываясь, и носил (даже на людях) нечто вроде халата. К своей императорской карьере он приступил, обладая хорошим физическим здоровьем и силой.

С самого вступления на престол Нерон испытывал беспокойство из-за ревности Британника. Он понимал, что чувство правоты многих людей в пользу Британика может стать опасным для его правления. Поэтому он действовал осторожно. Он произнес погребальную ораторию по Клавдию, которую, как считается, сочинил для него Сенека. В ней он дал много примирительных обещаний. Среди знати не нашлось ни одного, кто отважился бы поставить под сомнение его претензии. Они не желали рисковать своими головами ради справедливого престолонаследия. Они предпочитали терпеть его до тех пор, пока он

относился к ним с уважением. Слабость его титула на трон они держали как оружие, которое можно использовать против него, если он их обидит.

Тем временем Сенека и Буррус, главные советники молодого императора, делали все возможное, чтобы сделать его правительство хорошим и утвердить его авторитет. Их главные трудности заключались в том, чтобы обуздать его упрямую натуру и не позволить матери оказывать на него слишком большое влияние. Она, сместившая Мессалину и убившая Клавдия, не собиралась упускать свою власть, если бы могла помочь. Она вступила в союз с Палласом, богатым и беспринципным вольноотпущенником при дворе, и вскоре стало ясно, что она создает проблемы.

Ее сын тоже поначалу был слишком готов оказывать ей почести. Ее выносили на публику в одной упряжке с ним. По ее приказу чеканили монеты с ее головой и его головой. Она отправляла депеши к иностранным дворам и давала ответы послам. Она даже приказала убить Силана, проконсула Азии, который был ей неприятен. Бурр и Сенека были встревожены ее смелыми заявлениями о своей власти. Они решили любой ценой сломить ее власть. Чтобы отвлечь Нерона от излишнего доверия к ней, они даже благосклонно отнеслись к его интриге с вольноотпущенницей по имени Актея, что очень разгневало Агриппину. И эта ярость усилилась, когда Нерон лишил Палласа его влияния и отстранил от двора.

Тогда Агриппина объявила себя покровительницей Британика, несмотря на то, что отстранила его, чтобы возвести на трон Нерона, и обратилась к армии с призывом сделать этого юношу императором вместо ее сына. Нерон видел, что существует опасность революции. Поэтому он предпринял незаконный ход, столь характерный для ревнивых правителей. Он приказал отравить Британика. Яд, как говорят, был приготовлен на глазах императора и введен в кубок с вином Британику, когда тот сидел на банкете во дворце. Юноша упал безжизненно, но Нерон считал это одним из припадков, которым, по его словам, был подвержен его брат. В ту же ночь труп Британика был торжественно кремирован с погребальной церемонией на Campus Martius.

Затем Нерон попытался отвлечь внимание от этого события и скрыть свое преступление, осыпая подарками, домами и поместьями фаворитов дворца. Восхваляемый философ Сенека восхвалял милосердие Нерона в этот, первый год его правления; однако это хладнокровное и расчетливое убийство Британика, похоже, произошло в пределах этого года. Сенека, вероятно, пытался оправдаться тем, что, если Нерон не выдержит, Агриппина будет процветать в своей власти, а это еще хуже для общественного блага. Тем не менее, он управлял государственными делами так, чтобы угодить сенату, и сделал первые пять лет правления Нерона благополучным временем для великого народа. Впоследствии о них говорили как о периоде великого счастья. Это, должно быть, сильно контрастировало с последующим мраком, но, несомненно, Нерон был тогда в значительной степени податлив к советам своего воспитателя и префекта.

Нерон благоразумно отказался от возведения великолепных статуй в свою честь. Он приберегал суровые меры для отъявленных преступников и, кажется, даже иногда был тронут чувством сострадания. Сенека, чтобы повысить популярность молодого императора, распространил о нем анекдот о том, что когда его попросили поставить свою подпись под приказом о казни осужденного, он воскликнул:

"Как бы я хотел, чтобы я не умел писать".

Но эти минуты нежности, похоже, были недолгими. Дух, проявившийся в отравлении Британика, вскоре вновь проявился в других актах подлости и жестокости. Его с детства воспитывали в слишком жесткой и эгоистичной школе.

Мать императора, Агриппина, продолжала плести заговоры против него, и о ее различных замыслах сместить его, конечно же, докладывали ему. Это беспокоило его в разгар безрассудства, с которым он предавался разврату со своими благородными спутницами. "Лучшая из матерей", как он называл ее при вступлении на престол, теперь стала злейшим из его неумолимых врагов. Похоже, она позволила всей своей материнской привязанности к нему охладиться из-за разочарования в своей любви к личной власти.

За наши знания о тех временах мы во многом обязаны "Анналам" Тацита. Возникают некоторые вопросы относительно достоверности его рассказов. Иосиф, который, будучи иностранцем, возможно, был более беспристрастен, говорит, что разные историки правления Нерона руководствовались противоположными предрассудками; однако он верил в отравление Британика и в другие жестокие убийства, совершенные Нероном, о которых сейчас рассказывают.

Поппея Сабина, одна из самых красивых, но злых женщин Рима, стремилась вытеснить Октавию, жену императора, и сосредоточила свои чары на нем. Нерон отправил ее мужа в дальнюю провинцию, и она безропотно отпустила его. Мать Нерона, Агриппина, конечно, сильно мешала замыслам Поппеи, поэтому Поппея старательно разрабатывала свой план, чтобы избавиться от старшей женщины. Она дразнила императора тем, что он боится своей матери, и выставляла перед ним все движения Агриппины в самом мрачном свете, пока Нерон не был убежден. Его отношение к матери уже сменилось ненавистью.

С помощью Аникета, командующего флотом в Мизенуме, который был настроен против Агриппины, был разработан план, по которому ее уговорили сесть на баржу, которая по сигналу должна была разбиться на части. План не удался. Механизм не сработал. Однако матросам удалось опрокинуть корабль так, что Агриппина и ее спутники были сброшены в воду. С помощью нескольких рыбаков ей удалось благополучно добраться до берега. Видя, что ее единственный шанс заключается в обмане, она послала одного из своих вольноотпущенников сказать сыну, что по милости небес она спаслась от ужасного происшествия, но чтобы он не беспокоился и не приходил к ней, так как она очень нуждается в отдыхе и покое.

Когда Нерон получил это известие, он пришел в величайшее беспокойство, понимая, что теперь мать узнала о его заговоре против нее и непременно отомстит. В сильном душевном волнении он послал за Бурром и Сенекой, чтобы они немедленно прибыли к нему. Изложив им ситуацию, он переводил взгляд с одного на другого в ожидании их совета. Наступило долгое и тягостное молчание. Наконец Сенека спросил Бурруса, можно ли доверить солдатам предать ее смерти. Получив ответ, что преторианцы не сделают ничего плохого дочери Германика и что Аникет должен завершить начатое дело, Аникет проявил готовность сделать это. Он сфабриковал очередное обвинение против Агриппины и поспешил на ее виллу в Баули. Там он и его приспешники нашли ее в тускло освещенных покоях в сопровождении единственной служанки, которая тут же поднялась, чтобы уйти.

"Неужели и ты покидаешь меня?" - сказала несчастная Агриппина.

АГРИППИНА II И НЕРОН

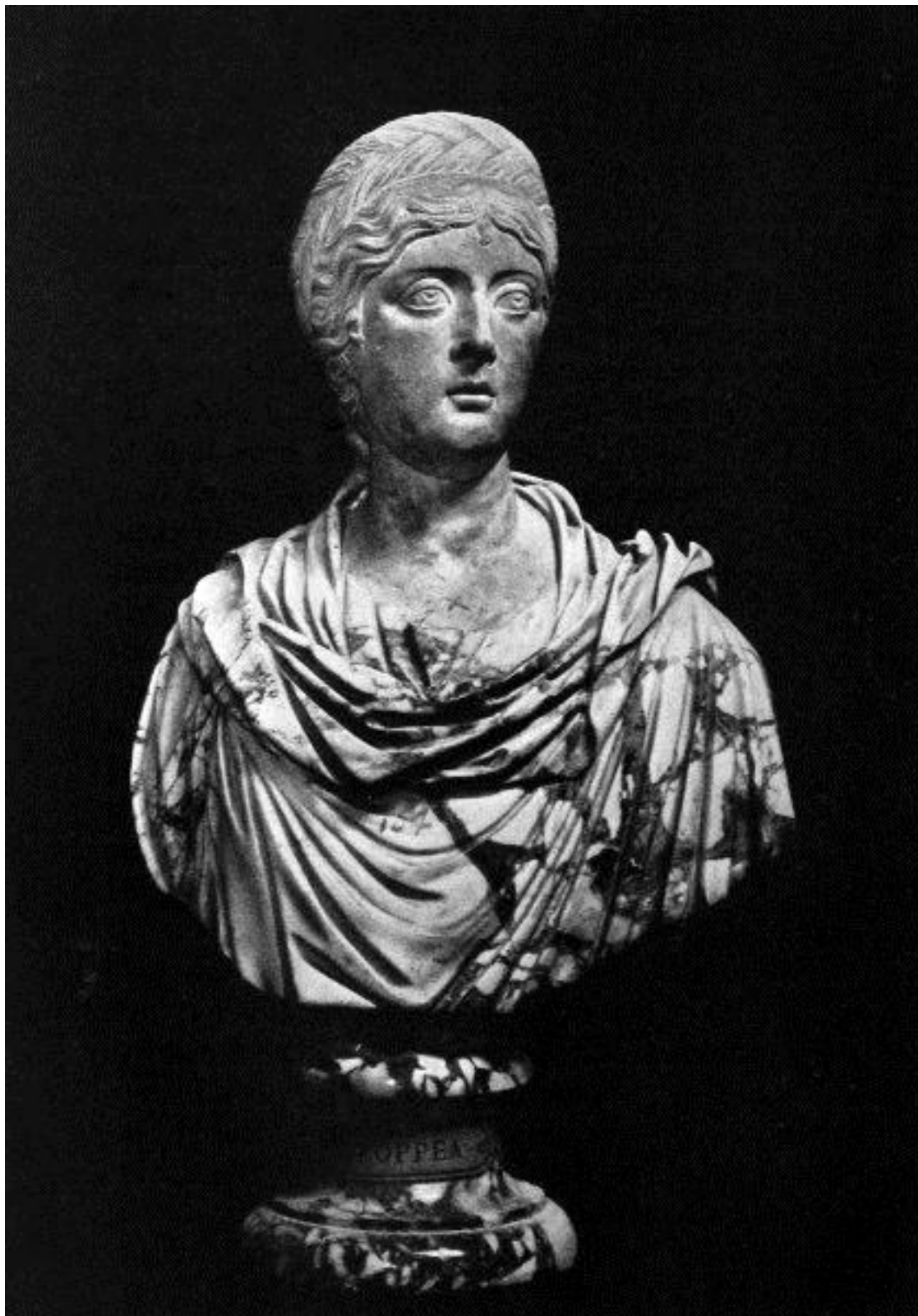
Вооруженные люди окружили ее кушетку. Первым ударил Аникет . Остальные тут же последовали его примеру, и на нее обрушилось множество ударов. Почти до последнего вздоха она кричала о вероломстве своего неблагодарного сына.

Если верить многим писателям, Нерона после этого убийства матери не переставала мучить совесть. В то время он написал письмо в сенат из Неаполя, в котором заявил, что его мать замышляла против его жизни и что в смятении, вызванном ее разоблачением, она несчастно погибла от своей собственной руки. Катастрофу корабля он объявил чистой случайностью. С горечью приходится констатировать вполне вероятный факт, что настоящим автором этого

позорного документа был Сенека, который таким образом изложил послание императора своими словами. В нем утверждалось, что смерть властной женщины следует рассматривать как общественное благо. Но подобные заявления из такого источника мало кого удовлетворили. Нерона так широко считали виновным в убийстве Агриппины, что в Риме на его статуи тайно повесили мешок - орудие смерти для отцеубийц, а имена триады выдающихся отцеубийц - Нерона, Ореста и Алкмеона - по ночам вывешивали на стенах. Однако вельможи были достаточно подневольны, чтобы с почетом встретить его возвращение, а население было развлечено и удовлетворено новыми и экстравагантными представлениями, которые он устраивал для всех. Народ даже приветствовал его, когда он, отбросив все достоинства императора, выходил на сцену в качестве актера или безрассудно катался на колеснице в Цирке Максимуса. Он был в восторге от всего сенсационного и зрелищного, от шума, шоу и скорости - какое удовольствие он получил бы от локомотивов и автомобилей, если бы они существовали в его время. Нельзя сказать, что законы не соблюдались или что граждане, в целом, не были спокойны. Но были дикие экстравагантности и безрассудства, которые пугали и огорчали людей. И это еще не все. Распутство и разврат в высших кругах были настолько велики, что все лучшие люди империи были ошарашены, и было очевидно, что моральная сила нации подорвана.

Нерон сеял на ветер, а пожал на вихрь. Стали раздаваться сатирические голоса. Тогда умер Бурр, сильный солдат и мудрый советник, и Нерон разделил командование между Фением Руфом, робким и покорным человеком, и Тигеллином, одним из своих позорных соратников.

Влияние Сенеки, которое во многих отношениях склоняло к мудрости и умеренности, было подорвано и сломлено. Он ничего не выиграл от своего временного противостояния злу, от своей политики компромисса и мягкости. Возможно, Нерону самому стало неприятно, что в своих философских изречениях он говорил одно, а на практике придерживался противоположного курса. Он больше не относился к Сенеке с почтением. Огорченный и разбитый, последний удалился в менее заметную жизнь. Рубеллий Плавт и Сулла, два выдающихся человека, которым Нерон завидовал, были преданы смерти по приказу императора и по наущению Тигеллина. Убийства были совершены гонцами, посланными от императорского двора в провинции, где они жили. Нерон сделал вид, что избавился таким образом от двух опасных противников, и потребовал, чтобы сенат поздравил его. Он даже заявил друзьям, что теперь может праздновать свой брак с Пoppеей, не опасаясь соперников, которые могли бы воспользоваться общественным одобрением его жены Октавии. Эта женщина, дочь Клавдия, чья жизнь при дворе была сплошным бедствием, была безжалостно осуждена, схвачена под каким-то наглым предлогом, и ей вскрыли вены ножом. Ее голова была отсечена от тела и отнесена ее врагу, жестокой Пoppее. После этого все ограничения приличия и самоуважения были отброшены, и в императорских дворцах начались дикие оргии.

ПОППЕЯ

На десятом году правления Нерона Рим охватил страшный пожар. Он начался у восточного конца Цирка Максимуса, между Палатинским и Селийским холмами. Он пронесся вдоль оснований Палатинского и Авентинского холмов, через Велабрум с одной стороны и Форум с другой. Он бушевал шесть дней, разрушая как частные дома, так и общественные здания. Были разрушены многие старые достопримечательности Рима, такие как дворец Нумы (Regia или), храм Юпитера Статора и храм Весты. Когда пожар, как считалось, утих, на окраине

города под холмом Пинциан вспыхнул новый пожар, который перекинулся на Виминал и Квиринал. Из четырнадцати районов, или областей, города три были полностью уничтожены, а семь других пострадали более или менее сильно. Погибли не только известные здания, но и элегантные дома патрициев, и многие редкие произведения искусства, которые невозможно повторить.

Бедные слои населения, конечно же, оказались в тяжелейшем положении. Пожар произошел, когда тирании и жестокости Нерона значительно увеличили число его личных врагов, когда презрение и ненависть к нему стали частыми, а его незаконные эксцессы заставили многих поверить, что он может быть виновен в чем угодно. Тот факт, что за работой были замечены поджигатели, которые утверждали, что действовали по приказу, а также слухи о том, что во время пожара Нерон наблюдал за пламенем с башни своей виллы и распевал там "Разграбление Трои" под аккомпанемент собственной лиры, способствовали подозрениям, что он сам стал причиной ужасного бедствия. Некоторые утверждали, что он сделал это для того, чтобы отстроить столицу более величественно и назвать новый Рим своим именем. Но эти подозрения не могут быть доказаны.

Достаточно утверждать, что в условиях дополнительных страданий, вызванных пожаром, народ стал смело выражать свое недовольство существующим правлением. Даже грандиозные религиозные церемонии, проводимые для умиротворения богов, не смогли утихомирить народные крики. Нерон, похоже, счел необходимым отвести подозрения от себя, представив другие жертвы.

Тацит рассказывает, что, чтобы спастись, этот император принес в жертву "тех, кого, ненавидя за их пороки, вульгарные люди называли христианами". Это название, по его словам, произошло от имени некоего Христа, который был казнен в правление Тиберия прокуратором Иудеи Понтием Пилатом. И он добавляет, что "проклятое суеверие, на мгновение подавленное, вновь распространилось не только в Иудее, источнике этого зла, но и в Риме, где все мерзкое и постыдное находит себе место и прием". Нероновские гонения, столь ужасные по своей горечи и кровопролитию, мы будем иметь случай рассмотреть позже в связи со страданиями первых христианских мучеников.

Здесь мы можем заметить, что некоторые, например историк Гиббон, с трудом соглашались с очевидными утверждениями Тацита и Суетония по этому вопросу на том основании, что в известных привычках и учениях христиан в этот ранний период не было ничего, что могло бы вызвать к ним такую лютую ненависть. Они были мирными гражданами и едва ли еще отличались от иудеев в глазах римлян. На сайте было высказано предположение, что Тацит и другие, писавшие спустя некоторое время после этого события, описывали то, что на самом деле было гонениями на евреев в Риме, и что, поскольку они навлекли на себя недовольство Нерона своими бурными спорами об ожидаемом Христе или о некоторых лжехристах и поскольку во времена Тацита христиане провозгласили Христа пришедшим, историк не сохранил различия между этими фактами и приписал христианам непопулярность, которая так рано принадлежала им только как части евреев. Меривейл предполагает, что в этой теории может быть элемент истины. Иными словами, иудеи, когда их преследовали за мессианский энтузиазм, могли перенести одиоз на христиан, которые в этом отношении были гораздо сильнее их самих.

То, что Нерон действительно подвергал верующих в Иисуса большой жестокости и что Павел, если не Петр, принял мученическую смерть во время его правления, было принято считать с таких ранних времен и настолько согласуется с известными в других случаях

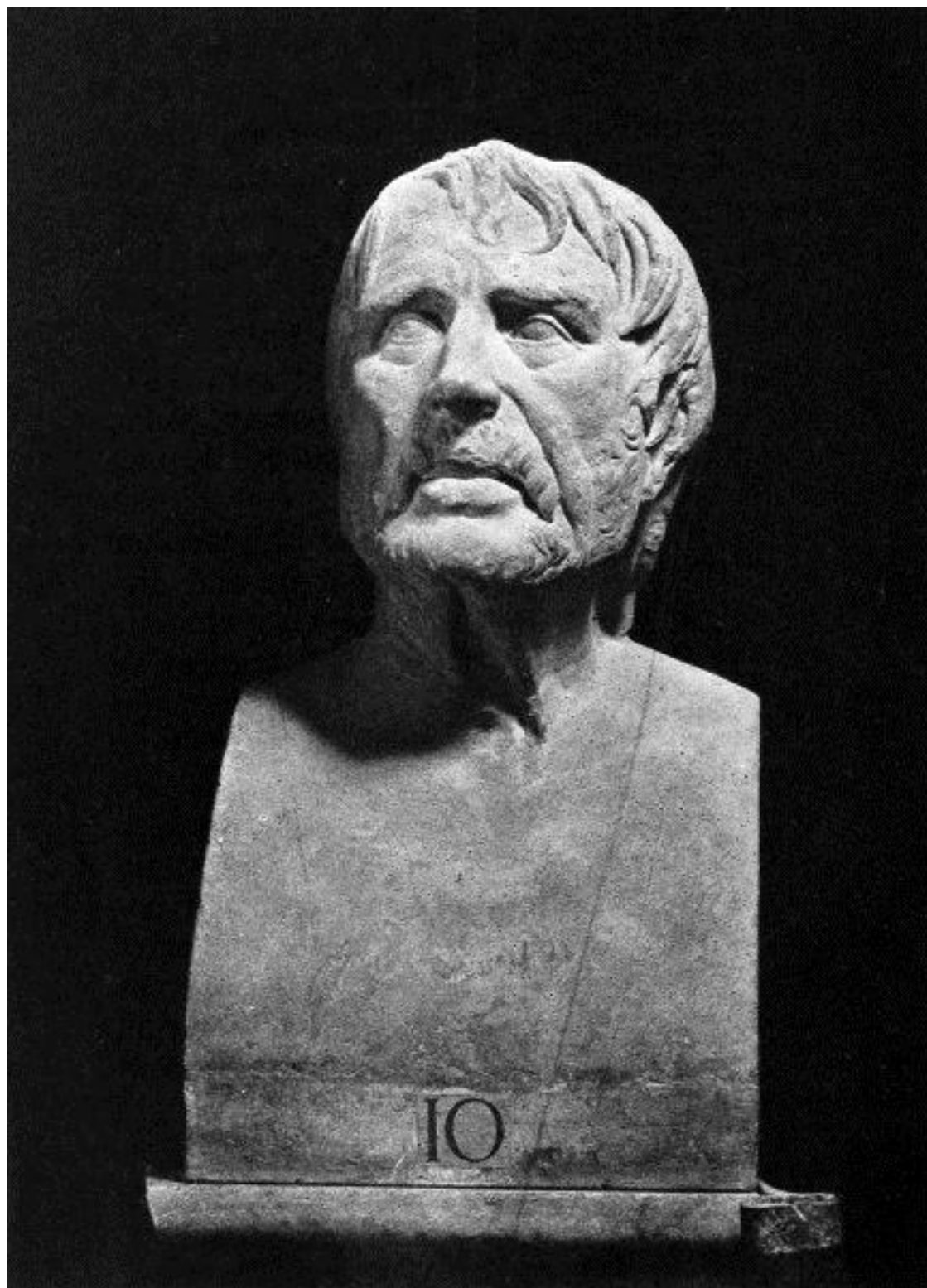
капризами и суровостью Нерона, что, кажется, нет причин сомневаться в этих фактах. Нероновские гонения, возможно, были короткими и ограничивались Италией, но они были резкими и кровавыми. Безрассудная тирания Нерона поддерживалась сладострастием и бессердечием его эпохи. Высказывания апостола Павла в первой главе Послания к римлянам не слишком убедительны в отношении грубой безнравственности общества. Стоицизм провозглашал, действительно, некоторые благородные идеалы и, возможно, даже был стимулирован к лучшей работе вызовами христианства, но политическое тело было развращено повсюду.

После великого пожара Нерон с усердием принялся за восстановление Рима. Он гордился тем, что сделал свою столицу великолепной, и особенно тем, что возвел для себя знаменитый дворец под названием "Золотой дом". По всей видимости, он представлял собой соединение и комбинацию, с помощью арок и портиков, дворцов на Палатине и других на Эсквилине. В этих зданиях, занимавших несколько акров, он следовал греческим образцам архитектуры и орнамента. Среди них выделялась его собственная колоссальная статуя, установленная возле того места, которое сейчас называется Колизеем. Чтобы покрыть расходы на эти и другие постройки, он вымогал или конфисковывал чужие богатства и даже похищал с нечестивым корыстолюбием некоторые из богатых даров, которые были помещены в храмы. Поэтому растущее недовольство и противодействие ему все больше проявлялось среди знати. Против него составлялись заговоры. Некоторые из них ему удавалось подавить, но на их месте возникали другие. Иногда, встревоженный ими, он топил свои страхи в потоке народной лести, полученной благодаря его недостойным выступлениям в цирке и театре как дома, так и за границей. Когда умерла его жена Пoppея, некоторые утверждали, что это было следствием его собственного жестокого обращения. Один великий человек за другим, некоторые из них, почитаемые историками чуть ли не олицетворением добродетели, погибали от яда или меча, от убийства или вынужденного самоубийства, став жертвами его ревности или любостяжания.

Даже Сенека, философский наставник юности Нерона, попал под недовольство своего императорского воспитанника. Нерону не нужны были моральные наставления Сенеки, и он считал, что тот больше не помогает ему в государственных делах. Кроме того, они были сопричастны слишком многим тайнам, чтобы Нерон заботился о его присутствии. Была предпринята попытка вовлечь его в обвинение в государственной измене, выдвинутое, правда, против Кальпурния и других. Это обвинение не было доказано против Сенеки, но при дворе о нем говорили больше всего. Вскоре после этого умер префект Бурр, а его преемник Тигеллин не был другом Сенеки. Он раздувал жажду императора к огромному богатству Сенеки, которое, по его словам, отбрасывало в тень великолепие императорского дома. Он также представлял Сенеку своим соперником в поэзии и красноречии. Все эти аргументы действовали на сердце, уже переполненное ненавистью.

Поэтому Сенеке был послан приказ о том, что он должен умереть. Он был принят без тревоги. Поскольку времени на переделку завещания у него не было, он сказал окружавшим его друзьям, что завещал им пример своей жизни. Смахнув слезы, он спросил их, где же их философские наставления и стойкость, которой должны были научить их занятия? Разве они не знают о жестокости Нерона? Разве не следовало ожидать, что, убив мать и брата, он покончит со своим учителем и воспитателем? Он умолял свою жену Паулину не впадать в бесконечную печаль. Затем ему вскрыли вены на конечностях, чтобы он мог истечь кровью, и этот процесс ускорили с помощью паровой бани. Во время затянувшейся болезни он разговаривал с теми, кто его обслуживал. Когда Сенека скончался, Нерон, хотя и испытывал

мрачное удовлетворение, на самом деле потерял лучшего советника, который у него когда-либо был.

СЕНЕКА

Во многих своих трудах этот великий философ поднялся на высочайшую высоту этической проницательности и рассудительности. Похоже, он искренне стремился поднять моральный тон общества. Ни один человек до его времени не понимал яснее, чем он, тот нравственный свет, которым Бог готов осветить каждого человека, приходящего в мир. Ни один человек не писал лучше о искренности, мужестве, довольстве, справедливости, доброте к другим, даже

к самому слабому рабу, милосердию к злым, красоте бескорыстия и возможном превосходстве разума над окружающей средой. Он был великим выразителем естественной религии, изученной его наблюдениями и совестью. Вот, например, несколько его изречений:

Если мы хотим быть справедливыми судьями во всем, давайте прежде всего убедим себя в том, что нет ни одного из нас без вины.

Мы будем мудрыми, если будем желать немногого.

Если каждый человек возьмет себя в руки и измерит свое тело, он узнает, как мало оно может вместить и как недолго.

Человек рожден для взаимопомощи. Если вы хотите жить для себя, вы должны жить для другого.

Мы - члены одного большого тела. Пусть тот, кто оказал услугу, держит язык за зубами.

Лучшие дары человека лежат за пределами его власти - ни дать, ни отнять. Вселенная, величайшее и прекраснейшее произведение природы, и интеллект, созданный для того, чтобы наблюдать и восхищаться, - наше особое и вечное достояние.

Подобных примеров можно привести великое множество из его трудов. Временами кажется, что он искренне стремился к Богу. Он заявлял, что Бог не обитает в деревянных и каменных храмах, что Ему не нравится кровь жертв, что Он близок ко всем Своим созданиям, что люди должны верить в Него, прежде чем смогут приблизиться к Нему, и что самое верное служение Ему - это быть подобным Ему. Некоторые из его высказываний приближаются к возвышенным наставлениям Христа и Его апостолов. Его часто с одобрением цитируют раннехристианские писатели. Однако его наставления отличаются от учений Писания тем, что некоторые из них просто риторические и поверхностные. Другие фрагментарны и неадекватны. Они не очищены от всякой шелухи. На самом высоком уровне они просто подчеркивают требования нравственного закона, не предлагая человеку никакой помощи в достижении святости, кроме той, которую может дать его собственное героическое решение. По своему поисковому качеству некоторые из них настолько похожи на Павла, что многие считают, что он и Павел, его современник, должны были быть хорошо знакомы. Говорят, что такая традиция существовала уже в четвертом веке. Действительно, некий ранний христианин счел за благо написать книгу, которую назвал "Беседы Сенеки и Павла". Сейчас ее надуманность общепризнана. Но мы, естественно, задаемся вопросом: вероятно ли, что Сенека знал что-нибудь о Павле?

С одной стороны, мы можем ответить, что человек, занимающий высокое положение Сенеки, вряд ли стал бы контактировать с презируемыми и гонимыми людьми, какими в то время были иудеи (и особенно христиане). Большинство стоиков скорее бы презрительно отвергли такую компанию. С другой стороны, мы знаем, что Павел был судим в Коринфе Марком Аннеем Галлио, братом Сенеки, и что по прибытии Павла в Рим он был отдан под опеку Бурруса, префекта прусской гвардии, который был другом Сенеки. Не исключено, что через одного из них, особенно через последнего, философ мог услышать об апостоле и в ходе своих философских изысканий отправиться к нему под видом маскировки или послушать сообщения о его проповеди, которая вызвала ажиотаж среди иудеев. Таким образом, он мог использовать идеи, источник которых не хотел признавать. Так это или нет, но вполне вероятно, что Павел и Петр уже давно пользовались большим уважением у некоторых членов семьи Аннеев, к которой принадлежал Сенека. Ланчиани рассказывает,

что в 1867 году в гробнице в Остии была найдена надпись, подобная той, что воспроизводится здесь.

Хотя это явно языческая надпись, о чем свидетельствуют призывные буквы D . M (Diis Manibus, - богам нижних областей), Марк Аннеус, отец, который поместил надпись, кажется, был назван в честь Павла, а Марк Аннеус, "дорогой сын", в честь которого она сделана, был назван в честь Павла и Петра. Появление этих двух имен вместе

D . M
M. ANNÆO
ПАУЛО ПЕТРО
M. АННИОС . PAULUS
ФИЛИО . КАРИССИМО

позволяют предположить, что оба апостола были в большом почете в этой семье и что предположение о дружбе с христианами не является полностью произвольным.

Сенека был одним из величайших стоиков. "Стоическую философию, - говорит Фредерик Фаррар, - можно сравнить с факелом, который бросает слабый отблеск то тут, то там в сумрачные недра могучей пещеры, а христианство можно сравнить с солнцем, изливающим в самые глубины той же пещеры свой семикратный свет". Факел имел свою ценность и яркость; но по сравнению с рассветом новой славы он кажется тусклым и неэффективным, хотя его яркость была настоящей яркостью и черпалась из того же бесплотного источника". О завершении жизни Сенека писал Луцилию:

Я готовлюсь к тому дню, когда, отбросив все хитрости и уловки, смогу судить о себе, действительно ли я говорю или только чувствую, как подобает храброму человеку: были ли все эти слова надменного упрямства, которые я бросал в адрес судьбы, лишь притворством и пантомимой. Чего вы добились на самом деле, станет ясно, когда приблизится ваш конец.

Увы, беда Сенеки заключалась в том, что все великие философы-моралисты оказались гораздо ниже Христа и даже его апостолов, а именно в том, что он так и не смог воплотить в жизнь написанные им наставления. Именно тогда, когда он спускался с плоскости теории и чувств на плоскость практики в повседневной жизни, он часто позорно проваливался.

До нас не дошло ни одной полной его биографии. Занавес поднимается и опускается над отдельными сценами его жизни. Но мы знаем достаточно, чтобы отметить его странную непоследовательность. Его временное управление императорским воспитанником, накопление огромного богатства в то время, как он восхвалял бедность, его смешение с экстравагантностью и развращенностью императорского двора, его очевидная неспособность выразить какое-либо осуждение убийств Британника и Агриппины, и его апология последнего из этих ужасов, которую он написал для Нерона, достаточно, чтобы быть упомянутыми. Следует признать, что ему пришлось занять очень трудное место советника императора, и он часто, несомненно, был в большом недоумении, пытаясь понять, какой образ действий будет наилучшим для общественного благосостояния, но его нельзя оправдать за согласие с некоторыми преступлениями Нерона.

В конце концов именно римская армия настигла жестокого тирана. Ему стало не по себе от ропота и уныния, которые явно усилились среди людей в его столице. Он отправился за облегчением в свои сельские резервации в Кампании. Из провинций к нему приходили

сообщения о недовольстве. В армейских лагерях было много тех, кто размышлял о нанесенных им обидах и ждал мести.

Среди видных военных людей того времени был Сервий Сульпиций Гальба, который несколько лет управлял частью Испании под властью императора. Происходя из знатного рода, этот человек также добился известности и пользовался популярностью среди солдат. Поэтому он был предметом зависти Нерона, хотя ему было уже семьдесят три года. Пока Нерон отсутствовал в Италии, устраивая представления в общественных театрах и цирках, в Греции Гальба получил несколько предложений от Кая Юлия Виндекса, римского полководца в Галлии, который ненавидел Нерона за некоторые его притязания. Виндекс чувствовал, что у него нет шансов стать преемником Нерона, но он положил глаз на Гальбу как на возможного вождя. Гальба не решался возглавить революцию. Тем временем замыслы Виндекса были раскрыты, и тот покончил жизнь самоубийством.

Тогда Гальба почувствовал, что он должен стать объектом ненависти к жестокости Нерона как никогда раньше, и что он может предпринять попытку восстановить процветание империи. Он обратился к солдатам с речью. Они приветствовали его как императора, но он пока не хотел принимать никакого титула, кроме легата сената и римского народа. Однако он набрал еще больше молодых людей и приготовился к походу. Когда римский полководец Виргиний Руф из Нижней Германии вошел с ним в контакт, по всему миру разнеслась весть о том, что Нерон пал. Отто, бывший соратник Нерона, из своей далекой станции на берегу Атлантики отправил Гальбе послания с приветствиями. Римские легионы в других частях света также соответственно приветствовали своих вождей как императоров. Казалось, что империя распадается на части.

Когда внимание Нерона впервые привлекли к письму на стене, он отнесся к нему с презрением и выразил удовлетворение перспективой конфисковать для собственных нужд имущество этих предателей. Он задержался на некоторое время, нелепо добиваясь аплодисментов для себя, участвуя в публичных развлечениях в Неаполе. После возвращения в Рим он посвятил храм Поппее. Но много времени он уделял пустякам: играл на , пел и водил колесницу в цирке. Когда курьер за курьером прибывал в Рим с вестями о восстании той или иной провинции, он созывал войска из Иллирикума и приводил моряков из флота в Остии для защиты города. Он угрожал отозвать иностранных магистратов и опозорить их. Он призвал население, которое он изнеживал, подняться на его защиту, иначе он выпустит на них своих львов. Он заявил, что расправится с теми сенаторами, которые не встанут на его сторону. Наконец, он заявил, что встретит приближающихся революционеров безоружным, упоая на свою красоту, слезы и убедительный голос. Тем временем истинные патриоты радовались, все больше надеясь на избавление от его ига.

В феврале он добрался до Рима. К июню его дело стало безнадежным. Гальба, правда, со своими войсками еще не прибыл. Но гвардия пруссов была настроена против него их префектом Нимфидием, которому Тигеллин отдал лагерь. Узнав, что последняя надежда на помощь обманула его, Нерон поднялся с дивана за ужином в своем Золотом доме, разбил до дна самые лучшие кубки, которыми он пользовался, взял склянку с ядом и вышел погулять по соседним садам. После этого он призвал некоторых военных офицеров присоединиться к его бегству. Все они либо находили отговорки, либо открыто отказывались. Тогда один, смелее остальных, сказал ему:

"Неужели так трудно умереть?".

Он готов был пойти и броситься в Тибр. Один из его вольноотпущенников, по имени Фаон, предложил свою виллу в качестве убежища. Она находилась примерно в четырех милях от Рима. Ее легко узнать и сейчас: она расположена между Виа Салариа и Виа Номентана. Он отправился в путь, одетый в грубую одежду, босой, с мантией из грубой материи на плечах и лице. В этом одеянии он сел на коня, и его сопровождали четыре друга: Фаон, Эпафродит (еще один богатый вольноотпущенник, секретарь или библиотекарь Нерона), Спор и еще один, имя которого не сообщается. Он прошел через городские ворота на рассвете, недалеко от лагеря пруссов. Некоторые рассказывают, что он слышал, как солдаты проклинали его имя и заявляли, что Гальба будет его преемником. Говорят, что гром и молния, а также толчки землетрясения усиливали волнение этого часа, а небо было затянуто тяжелыми черными тучами. Они встретили несколько человек, спешивших в город. Один из них спросил, какие новости могут быть из дворца.

МОСТ НОМЕНТАНА

Перед тем как переехать по мосту Номентана через Анио - мост, который стоит до сих пор, - лошадь Нерона попятилась, испугавшись лежащего на обочине мертвеца. Из-за этого маскировка императора на мгновение сползла, и гонец из лагеря пренторов, проезжавший мимо, узнал его лицо. Возле четвертой вехи они свернули в сторону и пошли по тропинке через заросли канебрака вдоль края канавы, которая теперь называется Фоссо делла Чеккина. Это привело их к задней части виллы Фаона, поскольку они не стали приближаться к главному входу, чтобы избежать наблюдения. Пришлось проделать отверстие в задней стене дома. Когда оно было проделано, они пробрались через него в ванную комнату, где Нерон бросился на поддон. Товарищи призывали его немедленно покончить жизнь самоубийством, чтобы избежать унижений, которые обрушатся на него враги, как только он попадет в плен. Вскоре ему сообщили, что сенат принял решение о его смерти как врага Рима. Испуганный этим Нерон достал с груди два кинжала и, скорчив гримасу, попробовал их острия одно за другим, а затем положил их, сказав, что момент для их использования еще

не настал. Затем он попросил кого-нибудь показать ему пример самоубийства. Он упрекал себя за робость.

"Фи, фи, Нерон!" - кричал он, - "Мужайся, человек, идем!".

Услышав шум всадников, посланных схватить его живым, он приставил оружие к горлу, и его вольноотпущенник Эпафродит вогнал его в землю. Это случилось девятого июня, на 14-м году его правления, когда ему было тридцать лет и шесть месяцев.

Он был последним из рода Юлиев. Хотя мало кто был расположен оплакивать его уход, и хотя многие по всей империи почувствовали облегчение, услышав об этом, его телу не отказали в достойном погребении. С согласия Ицелуса, представлявшего Гальбу, новоизбранного императора, Эклога и Александра, которые были няньками в его детстве, Акте, которая была спутницей его пороков, и трое мужчин, сопровождавших его в бегстве, выделили деньги на кремацию его тела с соответствующими церемониями.

Три женщины принесли прах и поместили его в гробницу семьи Домициана. Она стояла на отроге Пинцианского холма, недалеко от нынешней церкви Санта-Мария-дель-Пополо, прямо за городскими воротами и на одноименной площади. Ланчиани рассказывает об обнаружении (совсем недавно, на месте самоубийства Нерона) гробницы Клодии Эклоги, старой кормилицы, которая в детстве была так предана императору. Поля вокруг этого места на сотни футов во всех направлениях, как говорят, были усеяны обычными руинами виллы первого века, и находка этой простой плиты - очень жалкое происшествие, учитывая все подробности, которые мы описали. Лорд Байрон говорит в "Дон Жуане":

Когда Нерон погиб от самой справедливой гибели
Которую когда-либо разрушитель разрушал,
Среди рева освобожденного Рима,
Народы освободились, и мир ликовал,
Невидимые руки возложили цветы на его могилу.
Возможно, по слабости сердца, не лишённого
чувства за оказанную доброту, когда власть
Когда власть оставила несчастному неиспользованный час.

Каменная плита, на которой начертана простая эпитафия Эклоге, находится в Капитолийском музее. Возможно, именно по ее собственной просьбе, в нежных воспоминаниях о прежних днях, а также о своем участии в подготовке его тела к кремации, она была похоронена на месте гибели своей бесславной кормилицы.

Существует старая традиция, согласно которой церковь Санта-Мария-дель-Пополо была основана папой Паскалем II в начале XI века на месте гробниц Домиция и захоронения Нерона, поскольку таким образом он освободил это место от демонов, которые, как предполагалось, преследовали его. В XVI веке именно в примыкающем к этой церкви монастыре августинцев (ныне) останавливался монах Мартин Лютер во время своего визита в Рим. По прибытии он распростерся на земле и воскликнул на языке старого пилигримского гимна:

"Приветствую тебя, о святой Рим, обагрённый кровью мучеников".

Затем он отслужил мессу в церкви. Перед отъездом из Рима - с совсем другими чувствами, чем те, с которыми он вошел в него, и вскоре став великим реформатором, - он снова отслужил мессу в этой церкви. В ней много величественных старых гробниц и прекрасных произведений искусства. В центре площади, между четырьмя рыкающими львами, возвышается египетский обелиск, который император Август воздвиг в 10 году до н. э. в древнем Circus Maximus в память о покорении Египта. В его иероглифической надписи упоминаются имена Менептаха и Рамсеса III (1326 и 1273 гг. до н. э.).

Хоторн в своей "Мраморном фавне", книге, ставшей классической для воспроизведения современной римской жизни и духа, говорит

Все римские сооружения и руины, будь то империя, далекая республика или еще более далекие цари, приобретают преходящий, визионерский и нетленный характер, когда мы думаем, что этот неразрушимый памятник был одним из воспоминаний, которые Моисей и израильтяне несли из Египта в пустыню. Возможно, увидев облачный и огненный столп, они с благоговением шептали друг другу: "По форме он похож на тот старый обелиск, который мы и наши отцы так часто видели на берегах Нила".

И теперь этот самый обелиск, на котором нет и следа тления, - первое, что видит современный путешественник, войдя во Фламинские ворота. Египетские монархи, римские императоры, лидер протестантской реформации - какие разные исторические имена вызывают в памяти эти соседние памятники. Рядом с церковью проезжая дорога ведет от террасы к террасе к общественному саду на холме Пинчиана. Здесь современные ландшафтные художники разбили очаровательный курорт, напоминающий нам о древних и роскошных садах Лукулла, которые располагались на том же месте. До 1840 года этот прекрасный парк веками оставался пустырем, а в средние века считалось, что здесь вечно бродит призрак Нерона. В приятный полдень, особенно в воскресенье, можно увидеть множество прекрасных экипажей, движущихся по его аллеям, ведь это модный променада римской аристократии, и с него открывается прекрасный вид на город, в том числе на купол собора Святого Петра. Военный оркестр исполняет прекрасную музыку. Обитатели карет приветствуют друг друга поклонами и улыбками. Пешеходы слоняются без дела и переговариваются. В этом странном старом городе, включающем в себя столько слоев памяти и столь космополитичном в своем обществе, современные развлечения и почтенная древность толкаются друг с другом. Среди этой живой и праздничной толчеи можно погрузиться в историю и вспомнить о том или ином знаменитом событии, значительном или трагическом и сильно разнесенном во времени, которое произошло на земле, по которой он проходит.

ПОСТСКРИПТ

В этих кратких обзорах карьеры пяти великих царей новозаветного периода мы получили множество впечатлений о мрачном характере того мира, в который пришел Христос и в котором Его Царству предстояло совершить свои первые духовные завоевания. Это был век огромного богатства и власти, но они были сосредоточены в руках немногих. Огромные суммы тратились на показательные зрелища, эпикурейские пиры и роскошные диваны. При этом

огромные массы людей были бедны и невежественны. Эгоистичная роскошь и экстравагантность насмехались над крайней нищетой и отчаянием. Толпы людей постоянно находились на грани голода. Маленьких детей часто выставляли на смерть. Это был век циничного неверия в великие истины о Боге и душе, и в то же время век пустяковых и абсурдных суеверий. Философские поиски истины сопровождались глубокой печалью. Распутство наказывалось отвращением. Самоубийства были не только частым явлением, но и одобрялись некоторыми великими учителями. Холодная жестокость была служительницей необузданных амбиций. Это было время кровопролитных боев на арене и повсеместного рабства. Старые римские добродетели сурового и верного типа в значительной степени ушли в прошлое. Никогда не было эпохи, когда все формы порока демонстрировали бы свои методы и достижения более открыто. По мере того как люди становились все более отточенными в художественной культуре, они, казалось, становились все более гнусными в личном поведении. Поэт Гораций сказал:

Век наших отцов, худший, чем век наших внуков, породил нас, еще более низких и обреченных породить еще более деградирующее потомство.

Сенека писал:

Все вещи полны беззакония и порока; совершается больше преступлений, чем может быть исправлено сдерживанием. Мы боремся в огромном соревновании преступности. С каждым днем страсть к греху становится все сильнее. Стыда за совершение греха все меньше.

Из этих цитат и многих других, которые можно было бы собрать, мы видим, что общество в Риме того времени представляло собой картину одновременно отталкивающую и очень жалкую. Оно испытывало огромные моральные и духовные потребности, которые не могли удовлетворить ни человеческая мудрость, ни сила. Оно изнемогало от усталости и тяжелого груза и жаждало отдыха. Однако день близился.

Свет мира пришел.

Примечания транскриптора

Пунктуация, дефис и орфография были приведены в соответствие, когда в книге преобладали те или иные предпочтения; в остальном они не изменялись. Некоторые имена и географические названия написаны иначе, чем в современном употреблении.

Исправлены простые типографские ошибки; иногда сохраняются несбалансированные кавычки.

Неоднозначные дефисы в конце строк сохранены.

В подписях к иллюстрациям удалены слова "Лицевая страница n", а некоторые иллюстрации слегка перемещены.

Устройства для чтения, которые не могут отображать некоторые символы этой электронной книги, могут заменять их вопросительными знаками или другими знаками.